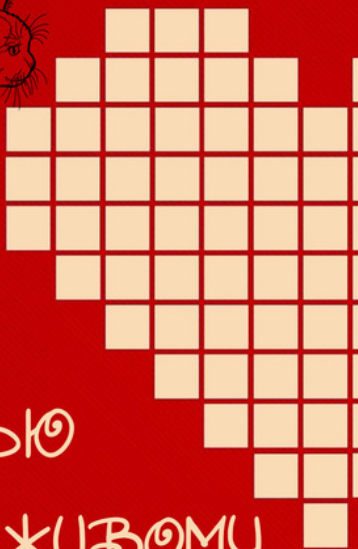

ОЛЬГА ЧЕРНИЕНКО

С ЛЮБОВЬЮ КО ВСЕМУ ЖИВОМУ

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Ольга Черниенко
С любовью ко всему живому.
Рассказы о животных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17195893

*С любовью ко всему живому. Рассказы о животных: Accent Graphics
communications; Montreal ; 2016
ISBN 978-1-524-28484-8*

Аннотация

Рассказы, наполненные щемящей любовью ко всему живому. Доброта сплетается с уникальным запасом информации, и чтение становится не просто интересным, но увлекательным и поучительным.

Каждый персонаж существовал в реальной жизни. Читатель получает неповторимый шанс соприкоснуться с фактами, о которых знают единицы. А для подрастающего поколения подобное чтение – настоящая школа благородства, пример самоотдачи и великодушия.

Тот, подлинный Георгий Вицин, школа собак-ищек в дореволюционной России, настоящие детективы, основанные на реальных событиях с историческими фактами. Будни волонтеров, отдающих свои сердца для собак, котов и всего живущего. «Безграничное сострадание, милосердие ко всем живущим

существам есть полнейшее ручательство за нравственное поведение».

«Говорят, бог смотрит на людей глазами собак»... «Они посланы нам богом».

Собаки и кошки, наши меньшие братья, но на самом деле лучшие родственники и друзья, чистые сердцем и исполненные самоотверженности.

Истории трагические и имеющие счастливый конец. Все они учат нас быть людьми. Людьми с большой буквы. Хочется верить, что книги, подобные этой, сделают мир чище и лучше, научат любить наших близких, в каком бы облиции они не существовали рядом.

«Есть только один язык – язык сердца,
Есть только одна религия – религия любви».

Содержание

№ 1	5
№ 2	7
№ 3	17
№ 4	43
Часть 1	43
Часть 2	56
Часть 3	65
Часть 4	69
№ 5	81
№ 6	103
№ 7	111
№ 8	125
№ 9	132
№ 10	146
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Ольга Черниенко

С любовью ко всему живому

Рассказы о животных

№ 1

Мечта

Измученной, усталой, утомленной
от жадности, жестокости людской,
мечтаю убежать в тот мир —
волшебный, радостный, зелёный...
и я хочу позвать тебя с собой!
Где дышится легко,
где лес благоуханный,
Сияют солнцем золотые небеса,
Гудит, звенит назойливо оса,
как вечный страж, оберегая чьи-то тайны...
От утренней росы трава на солнце серебрится,
Земля покрыта изумрудным мхом
и эльф веселый прилетает насладиться
пушистым, плюшевым ковром...

Как будто детские игрушки
раскиданы капризной рукой,
толстеют жирные свинушки,
а на краю лесной опушки —
гриб в яркой шляпке – смешной гном,
любезно приглашает в дом,
хрустально-сказочный дворец —
сплетение ветвей, вершин венец,
где первым инеем покрыл их словно лаком,
седой, румяный Дед Мороз,
где очень добрая собака,
сует мне в руку мокрый нос...
Где непосредственность желаний,
невинность детства, чистота...
Там совершенство мироздания!
И вечный праздник – там мечта!

В лучах малинового солнца,
с восторгом птичьих голосов,
непостижимым, легендарным принцем,
приходишь ты из предрассветных снов...
И первой встречи миг божественного озарения,
И взгляда глубина, и мыслей восприятие без слов...
Я вам желаю в женщине найти Христа
и быть любимым, дай вам, Бог!

№ 2

С любовью ко всему живому

Жил на свете Человек. Одни называли его святым, другие отшельником и чудаком, третьи просто крутили пальцем у виска...

Каждое утро к подъезду его дома на Арбате прилетала большая стая голубей.

И бежали навстречу бездомные собаки, радостно виляя хвостиками, и бомжи, коими богата была Москва в 90-е, поджидали в сторонке, стараясь не остаться незамеченными очень скромным и неприметным пожилым человеком в потертой куртке, кепке, почти надвинутой на глаза...

Не любил, когда его узнавали!

И для каждого находилось у него не только доброе слово, но и угощение: птицам – пшено, собакам – колбаска и косточки, бомжам – хлеб, сосиски, мелкие деньги...

Впрочем, люди ценили не столько дары, сколько искреннюю заботу знаменитого артиста о тех, кто пал на самое «дно» в силу жизненных обстоятельств:

Ибо побеседовать о жизни, пожать руку великому человеку, вновь почувствовать себя уважаемыми – дорогого стоит...

«Идите с миром», – отвечал им на слова благодарности.

Сам же шел кормить бомжей четвероногих – бывших «друзей человека», от которых массово избавлялись россияне, ставшие внезапно нищими после грабительских экономических реформ 90-х.

Сколько породистых и метисов, лохматых и короткошерстных, маленьких и больших, было обречено на холодную и голодную смерть, если, конечно, «повезет» им избежать лап живодеров!

И он выбрал для себя миссию – помогать этим несчастным, брошенным созданиям, хотя сам едва сводил концы с концами: жил на мизерную пенсию в маленькой квартирке, с кухней в четыре квадратных метра, куда и друзей было неловко пригласить...

Черно-белый телевизор, не работающий душ и кран холодной воды, вместо занавесок на окнах – мешки из-под сахара... комнаты, нуждающиеся в ремонте... и больная, лежащая жена.

«Почему только вы ходите, а где ваша супруга?» – спрашивали местные продавцы.

«Да вот, шляпу подходящую в гардеробе не нашла» – отшучивался, покупая лапшу «Доширак» для себя и пшено – для голубей...

Мясные обрезки и косточки для животных ему оставляли продавцы соседнего Смоленского гастронома.

Он же мясо не потреблял – был вегетарианцем, занимался йогой, врачей не посещал – даже карточки медицинской не

имел в поликлинике. Возможно, именно поэтому дожил до преклонного возраста без хронических болячек.

На девятом десятке, изношенный организм уже давал о себе знать...

Это удручало, впрочем, как и все, происходившее в России в 90-е. «Новую эпоху» – криминального разграбления страны – не мог принять и приспособиться...

Но в любую погоду – дождь, снег, мороз и гололед, несмотря на настроение и сердечные боли, он находил в себе силы встать с постели, чтобы идти к тем, кто нуждался в его заботе, любви, ласке.

«Я должен кормить голубей» – твердил сам себе каждое утро.

Птицы садились на плечи, голову, клевали корм с ладони, собаки жались к ногам, ласкались.

И чувствовал он, как необходим этим беззащитным созданиям в мире холодном, равнодушном, жестоком...

Птицы и собаки следовали за ним повсюду, так же, как в далекие времена, животные сопровождали православных святых – Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Евфросинию Вяземскую...

И бродил он с этой свитой по арбатским дворикам, кормил собак, кошек. Беспризорных котят, щенков относил в зоомагазин, где затем их бесплатно отдавали в добрые руки.

Страстную любовь к животным, природе, пронес через всю жизнь, с тех детских лет, когда его – болезненного ре-

бёнка, мать устроила в школу, располагавшуюся в заповеднике.

Застенчивый, погруженный в себя, мальчик часами гулял в лесу, подружился с птицами, насекомыми и даже деревьями. Беседовал с ними, нежно разглаживал пожухшие листочки, физически ощущая страдания срубленных, случайно покалеченных, варварски поломанных...

Лес воспринимал как огромное чудо, как храм, и боялся причинить вред любому, даже муравью...

Вот ползет невесомая букашка по ладони, едва касаясь лапками, нежно щекочет кожу: хрупкие ножки, ломкие крылышки, изящное тельце – ювелирная работа божественного мастера!

А может быть, и люди для кого-то там, наверху, всего лишь ничтожные насекомые?

Даже став взрослым, никогда не убивал он тараканов, мух, пауков, потому что все живое создано самим Творцом, и человек не вправе уничтожать его творения.

Как-то зимой, в жестокий мороз, он заметил на люке теплоцентрали умирающего пса.

«Надо взять собачку, а то за ночь замерзнет» – и восьмидесятилетний человек поднял несчастного, отнес домой...

Так в квартире поселился Мальчик – обычный «дворик», с вылезшей шерстью, выпирающими под кожей ребрами, злобный и недоверчивый...

Но, если есть в человеческом сердце настоящая любовь

– любую дворнягу можно отогреть. Пёс поправился, оброс шелковистой шкуркой, стал лучшим другом своему спасителю. И, когда они в обнимку отдыхали на диване, на телефонные звонки отвечала супруга:

«Не тревожьте Гошу, На нем спит собака. Он очень боится её побеспокоить. Она же дворняга. Столько перенесла. Пусть поспит...»

Бывало, Мальчик занимал диван раньше хозяина, и приходилось тому укладываться рядом – на полу...

«Собаки – они как лекарство: лечат, спасают людей, укрепляют нервную систему. После восьмидесяти всем надо иметь собаку. Она спасёт вас, поможет с режимом дня лучше всяких докторов» – советовал он друзьям, и мечтал о том, чтобы все люди подкармливали животных! Человек должен жить в доброте и любви к живым существам, иначе он даже не животное по Дарвину, а резиновый манекен, набитый трухой под названием внутренние органы.

Кроме Мальчика, в семье жили два попугая и, спасенная из лужи, божья коровка.

Благодаря неустанной заботе, ей выпало счастье прожить на свете целых ТРИ года, вопреки двухлетнему жизненному сроку в природе.

Одного из попугаев нарекли Борисом – он был куплен в день, когда президентом страны стал Ельцин. Попугай умел говорить, и часто, с интонациями супруги хозяина, кричал в след: «Что ты всё бегаешь? Пойди, поспи!»

По вечерам Человек выходил на балкон, рассматривал в телескоп звездное небо, и верный Мальчик ложился у ног, согревая своим теплом.

Как же манили далекие галактики, инопланетные цивилизации!

Но, – беседовал он с собакой, – человечество слишком агрессивно, не захотят инопланетяне с нами общаться, вряд ли мы будем приняты во вселенское высокоразвитое созидательное братство...

Вся история человечества – бесконечные войны, разрушения, насилие, горе и слёзы народные. Наши технические достижения направлены не на благо человечества – на уничтожение друг друга. И, с техническим прогрессом, деградирует человеческая мораль...

Где гарантия, что новые знания не будут повернуты против соседей по галактике?

Возможно, пройдет не одно столетие, прежде чем, люди поймут, зачем они на Земле...

И, прежде чем рваться к звездам, стоило бы навести порядок в собственном доме, где столько нуждающихся, больных, неимущих, а для этого нужно всего лишь жить по законам ЛЮБВИ!

Именно этой любовью – к жене, дочери, собаке... любовью ко всему живому он и жил, и был счастлив, хоть пенсии не хватало, и сантехнику починить было не на что, и жена тяжело болела, и дочь – художница, скульптор, мало зарабатывала.

тывала.

От предлагаемой материальной помощи, всегда отказывался: «другим сейчас тяжелее... есть люди беднее. Я же могу жить и в бочке, как Диоген»

Ни деньги, ни машины, ни дорогая обстановка – ничто материальное не интересовало – любил лишь страстно книги, заполонившие всю квартиру.

Пифагор, Сократ, Гомер, Овидий, Гораций, Петрарка...

Как же созвучны были их взгляды его собственным мыслям, миропониманию! Ведь ещё две тысячи лет назад, любимый поэт Овидий писал:

Бросьте силки и капканы! Не трогайте пташек небесных;
Уст человеческих кровью созданий живых не скверните;
Смертные – смертных щадите!

Часто поступали приглашения принять участие в спектаклях – «Юморинах» в Театре киноактера. Несмотря на плохое самочувствие, всегда соглашался, шутил, что зарабатывает на корм бездомным животным.

Вот и 6 сентября 2001 года, когда за два часа до начала спектакля, его попросили заменить заболевшего артиста – согласился...

В тот день чувствовал себя неважно, болело, щемило сердце, и поэтому попросил, чтобы его выступление было первым. Перед отъездом в театр, вышел прогуляться вместе с дочерью и Мальчиком. Голова кружилась, ноги подкашива-

лись, но ему страстно хотелось пройтись по любимому Арбату, попрощаться с друзьями – птицами, собаками, поскольку было предчувствие: видит их в последний раз...

Сердечный приступ случился прямо на сцене – «скорая» отвезла в больницу, где ещё полтора месяца врачи боролись за его жизнь. Он умер 22 октября 2001 года...

Знаменитого актера и великого Человека в последний путь провожали не только люди – бездомные собаки тянулись за гробом, в небе кружили птицы...

Год спустя на его могиле, на Ваганьковском кладбище, был установлен, созданный на народные средства, памятник с очень скромной надписью:

ГЕОРГИЙ ВИЦИН
1917–2001

Жил на свете Человек. Одни называли его святым, другие отшельником и чудаком, третьи просто крутили пальцем у виска, но вместе с ним ушел навсегда целый мир, с его героями, юмором, традициями.

P.S. Прошло полтора десятка лет...

Многое изменилось с тех пор. Далеко шагнул технический прогресс. И уж не в диковинку, как в 90-е, компьютеры, интернет, сотовые телефоны, и обладателем автомобиля может стать любой желающий.

Но страна наша на грани нравственной катастрофы.

Никогда ранее так преступно не возвещалась непристой-

ность, разнузданность, обнаженность пороков, никогда не нагтели так взяточники, мошенники и казнокрады, никогда не тащили, расхищали, и обогащались в столь чудовищных масштабах.

И нет в сердцах сострадания, доброты ни к бедным, ни к «братьям нашим меньшим».

Каждый день приходят страшные вести о дикой жестокости, чудовищных расправах с животными, творимых существами, которых и людьми назвать язык не повернется.

Милосердие же возводится в разряд преступления: в России штрафуют людей, подкармливающих животных!

Где наша многовековая культура, нравственность? Где православные традиции и заповеди святых старцев – Сергия Радонежского, Серафима Саровского, призывавших делиться последним куском и со зверем голодным, и с человеком нуждающимся?

Вместо проповедей, доносящих слово Божье о животных, телевидение и прочие СМИ стряпают негативные передачи о бездомных, и людей сострадающих нарекли цинично – «зоошиза».

Убийство провозглашено добродетелью: догхантеры – живодеры и садисты, ныне в почете!

И толпа алчет крови – убивать, убивать, убивать!!!

Льются злоба и ненависть с голубого экрана – новоявленный лжепророк сзывает рать сатанинскую на последнюю битву меж злом и добром!

И все же хочется верить, что не перевелись на земле русской люди милосердные, что доброта и любовь всегда побеждают зло!

№ 3

По следам знаменитой ищейки

Вступление

После отмены крепостного права, в России поднялась со дна общества социальная пена: бродяги – попрошайки, мошенники, карманники, медвежатники, взломщики, грабители, убийцы заполнили деревни и города империи...

К началу 20-го века разгул преступности принял угрожа-

ющие размеры, чему способствовал и слишком гуманный, так называемый, «кровавый режим царизма»: за период с 1825 по 1905 год – в Российской империи было казнено... 894 человека: смертные приговоры выносили военные суды лишь государственным преступникам.

Жизнь человека считалась даром божьим, убийцы не уважались даже среди каторжников!

Уголовный сыск, заваленный нераскрытыми «делами» нуждался в новых способах расследования. Благодаря энтузиасту и новатору в области криминалистики В. И. Лебедеву (главе сыскного отделения полиции в Петербурге), в девятидесятые годы стали применять дактилоскопию, фотографировать задержанных, составлять словесный портрет, использовать служебных собак.

21 июня 1909 года (ныне этот день называют профессиональным «Днем кинолога») состоялось торжественное открытие первой школы полицейских собак на окраине Санкт-Петербурга, в Старой деревне.

Щенков – будущих четвероногих Пинкертонов, привезли из лучших зарубежных питомников.

Собаки проходили курс обучения вместе с 26 полицейскими из разных городов российской империи, где были организованы сыскные отделения. А спустя три месяца состоялся первый экзамен выпускников.

Это был воскресный петербургский день – 25 октября

1909 года. С самого утра моросил мелкий дождь. Плотное покрывало мутно-серых облаков иногда пробивали робкие солнечные лучи, озаряя буйство золотисто-багряных красок увядающей осенней природы. На курортах Сестрорецка давно закончился сезон, но пригородные рестораны и трактиры Новой Деревни распахнули свои двери уже с полудня. Фешенебельный «Вилла Роде» с первоклассной кухней, великолепным оркестром был излюбленным местом отдыха богатых петербуржцев и столичной богемы. «По вечерам, над ресторанами... вдали над пылью переулочной... над скукой загородных дач» – Александр Блок повстречался там со своей таинственной Незнакомкой. Среди завсегдатаев были Куприн, Северянин, Шаляпин, Собинов, Распутин, а позже... и Ульянов (Ленин). Романтическая атмосфера «серебряного века» сочеталась здесь с откровенным распутством: приглашенные актеры представляли «живые сцены», в коих обнаженные «музы» и «русалки» купались в шампанском, одалиски танцевали на столах среди посуды, а разгоряченная публика кидала к их ногам крупные денежные ассигнации... Хозяин «Виллы Роде» Адолий Роде, не скрывал, что в принципе, его заведение является борделем...

Сразу за высоким забором ресторана располагался Приморский вокзал, откуда летом паровозные составы из желтых вагончиков возили дачников в Сестрорецк, Разлив, Курорт, Дюны – на берег Финского залива, где можно подышать чистым, морским воздухом, насыщенным благоухани-

ем соснового леса. С окончанием дачного сезона, осенью и зимой железная дорога продолжала действовать, обслуживая чиновников и рабочих оружейного завода Сестрорецка.

В буфете вокзала, на втором этаже посетителям предлагались дешевые и сытные обеды, изысканные вина перовклассных фирм. В тот осенний день в зале было многолюдно – купцы, разнорабочие, мелкие чиновники... Никто из них не догадывался, что вскоре станут свидетелями и статистами намного более занимательного действия, чем все разнузданные сцены соседней «Виллы Роде».

В два часа пополудни загрохотали сапоги дюжего дворника Степана Прохорова по деревянной лестнице вокзала, хлопнула дверь:

– Половой, квасу! – красный, потный, растрепанный, он, как нельзя более, соответствовал, звучавшей из граммофона, песне. Могучий бас Шаляпина сотрясал всё помещение вокзала – «Из-за острова на стрежень». Жадно глотая напиток, утирая пот картузом, дворник подозрительно оглядел зал. Компания молодых купчиков закусывала водочку растегаями, и, видимо, вдохновленная разбойничьей песней, оживленно обсуждала только что увиденный в синематографе немой фильм «Понизовская вольница (Степан Разин)». Рядом за столиком, потягивая чай из блюдечка, пожилой телеграфист философски сетовал:

– Почему в России всегда романтизируются бандиты, вроде Стеньки? Только пережили революцию, и опять эти на-

строения! Не дай Бог повторения...

– Быть может, вам больше придется по нраву романс «Белой акации гроздь душистые»? – предложил буфетчик, перебирая граммофонные пластинки.

– Людей много – это хорошо! – мысленно радовался дворник, – значит, задачку труднее решить! Посмотрим на представление...

– Что, Степан, запыхался? – вытирая стойку полотенцем, поинтересовался хозяин буфета.

– Убегаю, кум... вроде, как преступник я теперича, ловят меня жандармы, – дворник вытер мокрые губы, перевел дух.

– Сейчас отдышусь, и на ближайшем поезде махну к Финляндии поближе... Городовых увидишь, шепни – я спрячусь! – добавил он шепотом.

– Не нужны мне неприятности с властями! Что натворил – то? аль убил кого? – заволновался буфетчик.

– Убил! – неожиданно весело улыбнулся дворник, – не волнуйся! Ловят меня – не поймают! Следы хорошо запутаны! Так что сооруди-ка мне, кум, на целковый ветчинки, рыбки, булку французскую, бутылку пива, да и папирос не забудь, – набегался я, замерз и проголодался. Поезд то лишь через час...

Но не успел отведать Степан и первое блюдо, как буфетчик встревожился:

– Глянь в окно! Уж и бегут за тобой, душегуб! Уходи по добру – поздорову!

Но бежать через дверь, было поздно. Степан, схватив картуз, прыгнул на подоконник, спрятался за занавеской. Застонала деревянная лестница под сапогами полицейских, дверь распахнулась, и на пороге появился околоточный надзиратель с большой, черной, гладкошерстой собакой на поводке. Пёс, вывалив язык, тяжело дышал, белки глаз налились кровью, он уже учуял преступника, и рвался на поводке вперед, скреб лапами по деревянному полу.

– Всем оставаться на местах!

Шум в трактире мгновенно стих, лишь шипела под иглой не выключенная граммофонная пластинка. Собака пантерой бросилась к окну. Портьеры распахнулись, и сразу раздался выстрел – преступник целился в околоточного! Но, с грохотом вывалился из его рук револьвер, а затем и сам «злодей» плюхнулся мешком на пол, взмолился:

– Сдаюсь! собачку придержите! порвет, зверюга! Ай! Спасите, ради Христа! – собака, вцепившись в ворот дворничьего кафтана, угрожающе рычала над поверженным противником.

– Всё, ты арестован! На выход! – торжественно, под дружные аплодисменты посетителей буфета, объявил полицейский.

– Bravo! – продолжали восхищаться работой полицейских невольные зрители, – Спасибо! Поймали душегуба! В кутузку его!

– Господа! Должен принести извинения за доставленные

неудобства, но преступник сей – не настоящий, ряженный специально для испытаний полицейских собак! Ваших аплодисментов достоин лишь этот пёс! Он прекрасно справился с заданием!

И, нарочито грозным голосом, но улыбаясь в усы, скомандовал:

– Взять преступника под стражу!

Уже на улице, усаживая «арестованного» под охраной на извозчика, похвалил:

– Спасибо, Степан! Хорошо послужил! Держи червонец!

– Рад стараться, ваше благородие! А пёс-то умный! Я полтора часа кружил, следы запутывал! Думал, не найдет, ни в жисть... и квас не успел допить, как он уж тут как тут!

– Треф шел по следу два километра! Мимо Черной речки, «Виллы Роде», по набережной, и вывел-таки к Приморскому вокзалу!

– А что ж меня сейчас под конвоем-то?

– Чтобы понял пёс – не зря работал – выследил, задержал преступника! Все – по-настоящему... иначе, вдруг разочаруется? Ловил, поймал, а преступника отпустили... работать не будет!

Так, в трактире на Приморском вокзале началась удивительная карьера легендарной полицейской ищейки – доberman-пинчера по кличке Треф, благодаря которому было раскрыто почти полторы тысячи преступлений, предотвращено более двухсот терактов, сохранено множество челове-

ческих жизнью...

– Молодец, Треф! отлично справился! лучше всех! преступника поймал, и меня от смерти «спас», спасибо тебе, пёс! – вечером околоточный надзиратель Владимир Дмитриев кормил собаку в вольере питомника. – Мы получили первый приз, диплом, и звание «сыскной собаки»! – объяснял он Трефу.

– Скоро едем в Москву! По приглашению самого градоначальника Джунковского! 150 рублей он за тебя отвалил – огромные деньги! Так что служить будем в Московском охранном отделении сыскной полиции! Верой и правдой, на благо России!

– Устал, поди! – нежно погладил он голову пса.

Треф расслабленно прижался к ногам хозяин, коим считал своего дрессировщика. Зубастая широкая улыбка озаряла его морду. Как же он любил «играть» с Дмитриевым: отыскивать спрятанные вещи, идти по следу, приносить апорт, брать барьеры! Треф был совсем молод – одиннадцать месяцев, почти щенок, и самой высшей наградой за выполненное задание, для него было не угощение, не похвала, а нежная ласка вот здесь, в вольере, когда уже никто не видит, и можно расслабиться. Вертелся обрубок хвостика, и, вывалившийся мокрый, длинный язык лихо висел в сторону, делая его суровую морду умиленной и радостной...

– Иди на место! Отдыхай!

Пёс послушно отправился в будку, формой напомина-

ющую бочку. Он не роптал, поскольку привык оставаться один, с раннего щенячьего возраста.

– Я, пожалуй, тоже пойду! До завтра, милый зверь!

А Треф уже крепко спал, лапы его дергались, он скалился и скулил – быть может, догонял злодеев, которых ему только предстояло найти? Или снилась беззаботное щенячье детство в рижском питомнике «фон Тюринген»...

В конце девятнадцатого века в Германии жил человек, страстно любивший собак: содержал приют для бездомных, потерявшихся животных – лечил, кормил, заботился... И занимался селекцией, страстно мечтая вывести собаку, которая могла бы защитить его в любой экстремальной ситуации – злобную, бдительную, неутомимую, способную без усталости пробегать сотни километров рядом с каретой: слишком много покушений было на него – сборщика налогов. Разъезжать по Тюрингии с большой сумкой денег без подобной стражи было опасно.

И он скрестил немецкого пинчера, боссерона, ротвейлера, манчестерского терьера... Итогом стала мускулистая, сильная, энергичная, и, вместе с тем, элегантная собака с великолепными способностями ищейки. Свое творение Луис Доберман назвал «тюрингским пинчером». Лишь после его смерти новой породе официально присвоили имя селекционера – «доберман-пинчер». К началу XX века доберманов в Европе насчитывалось уже более тысячи.

Внешне они весьма отличались от современных: Треф

был приземистым, широкогрудым, большеголовым; шерсть – жесткая, с густым подшерстком, спасавшая от холода в суровые русские зимы. Ведь работать ему приходилось в любую погоду – мороз, метель, снег, дождь, промозглую слякоть... Доберманов в России в ту пору почти не знали, и Треф был диковинкой.

В самом конце ноября 1909 года неподалеку от станции Бронницы, в деревне Кузнецово Московской губернии, в собственном доме был найден полуразложившийся труп одинокого старика – крестьянина Гришаева.

Убитый лежал на полу горницы в луже засохшей крови. Все деревенские соседи знали: у старика водились деньги, но при обыске дома, полицейскими ничего ценного найдено не было. Ни мотивов убийства, ни подозреваемых – ничего...

Казалось, кому есть дело до одинокого старика из глухой деревушки? Но слуга «кровавого царского режима» – московский губернатор Джунковский выслал на поиски его убийцы уникальную, дорогостоящую собаку! И 28 ноября в Кузнецово поездом прибыли Дмитриев с Трефом.

Тщательно обнюхав место преступления, пёс бросился во двор, к навозной куче, и вскоре откопал разорванную, окровавленную женскую юбку, которой убийцы вытирали руки. Среди преступников была женщина! И действительно, по словам соседей, с неделю назад по деревне проходила компания нищих – баба и два мужика, но куда они направлялись, никто не заметил...

Треф пошел по след у – через огород, дыру в ограде, за деревню, в поле... В соседней деревне привел к дому, где, как выяснилось, накануне ночевали трое подозреваемых. Узнали и имена бандитов – братьев Васьки и Сашки Рябых, и подружки их – Агафьи – жестоких убийц, грабителей, давно находившихся в розыске.

Дальнейшая погоня проходила по берегу речки Гжелки, от деревни к деревне, вдоль железной дороги. И Треф, шаг за шагом, «рассказывал» подробности маршрута: вот здесь преступники пили водку, здесь – переночевали, там – их не пустили в дом...

Первые несколько километров полицейские бежали рядом с собакой, но, вымотавшись, спустили пса с поводка, и двигались за ним уже в арендованных санях, на лошади. В тот день Треф шел по следу 117 километров, почти 12 часов!

Агашку и Сашку Рябого полицейские взяли в одной из ночлежек деревни Томилино. Куда делся третий фигурант – Васька, так и осталось неизвестным... Может, и подельники убили...

После экзамена, это было первое дело, раскрытое Трефом, и банда серийных убийц перестала существовать! На следующее утро сыщики проснулись знаменитыми. Заголовки газет пестрели самыми лестными эпитетами: «Треф – любимец публики!» «Четвероногий Пинкертон!» «Гениальная собака!» «Собачий Шерлок Холмс!», «Достояние Российской империи!».

Когда же 6 декабря 1909 года в Московском Манеже состоялась выставка служебных собак, огромная толпа народа жаждала увидеть новоявленную звезду уголовного сыска. После вручения Трефу главного приза – Золотой медали, ещё несколько часов зеваки толпились вокруг собаки!

Его полюбили не только за невероятный, аналитический ум, но и за то, что в отличие от своих двуногих коллег – полицейских, никогда не брал взяток, никогда не продавал свою честь, и, выкладываясь полностью физически, всегда оставался бодрым, энергичным, работоспособным.

Слава Трефа распространилась даже за границами Российской империи: в газетах и журналах того времени, словно кадры немого кино, мелькают репортажи: вот – Треф вместе с Дмитриевым нашли убийцу, украденные драгоценности, вещи, деньги, схватили вора, обнаружили взрывчатку, «накрыли» банду террористов... Вот, преследуя бандитов, прошли почти сотню километров, вдоль железной дороги, по насыпям, через глухие лесные заросли, узкие тропы, вдоль болот... Наверное, без огромной преданности, взаимопонимания, уважения и любви друг к другу, вряд ли у них был возможным подобный результат.

Часто приходилось выезжать в другие города, туда, где совершенное преступление ставило местных полицейских в тупик, и надежда оставалась только на уникальные способности ищейки. Толпы зевак, желающих поглазеть на четвероногую знаменитость, собирались на вокзалах за несколько

часов до прибытия поезда. Известность Трефа не уступала в ту пору оперной звезде – Федору Шаляпину.

Нечто мистическое было в его гениальной способности «носом чуют» всю подноготную преступлений, распутывать следы... Нередко, воришки, опасаясь, что собака, выйдет на них, старались заранее избавиться от краденного, дабы обезопасить себя, и даже являлись с повинной – «все равно псина найдет, а так, может и скидка будет!» Однажды, при одном только виде грозного добермана, подмастерье-подросток неожиданно признался: «Я украл у хозяина деньги, и за печку спрятал!!!»

Сколько раз, исчезнувшие ранее ценности и деньги, неожиданно возвращались владельцам, лишь становилось известно, что в городе Треф! Даже кличка его стала нарицательной: муж-гуляка, у которого бдительная супруга находила «заначку» с деньгами, кричал: «Да ты у меня настоящий Треф! Тебя бы на поводок, да в сыскную службу! Талант зарываешь!»

Были и те, кто мечтал о смерти бескомпромиссного пса. Но Трефа приучили брать пищу только из рук Дмитриева. Без него – пёс обречен был умереть от голода...

Между тем, тучи сгущались над Российской империей: политические убийства, взрывы в театрах, ресторанах, на бирже, гибель мирного населения – нестабильна обстановка в стране перед первой мировой.

В 1911 году агенты охранного отделения накрыли боль-

шую группу боевиков, занятых подготовкой террористических акций. Среди них оказался Филлипов – бывший участник мятежа на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», лично казнивший трех офицеров. Ему, заочно приговоренному к повешению, после восстания удалось сбежать, и с группой «товарищей» продолжить свою преступную деятельность.

Филиппов предложил начальнику Московского охранного отделения полковнику жандармерии П.П. Заварзину помощь в розыске базы террористов. В доказательство своей готовности помочь следствию, Филиппов признался, что незадолго до ареста вместе с сообщниками совершил налет на усадьбу одинокой вдовы-помещицы, в ходе которого были убиты три человека. Собственными руками Филиппов задушил вдову: «Так я её прижал, шо у ей ажио кости захрумтели на шее». Как вспоминал Заварзин в мемуарах, в этот момент он выразительно пошевелил своими огромными пальцами так, что полковника едва не стошнило. Теперь, двуногая тварь опасалось, что, узнав об аресте, поделники завладеют его долей награбленного.

Филиппов «сдал» полиции бандитский «схрон» в доме некоего Маливы в Брянске, однако, при обыске ничего подозрительного найдено не было. И тогда на помощь брянским жандармам вызвали Дмитриева с собакой. Изучив двор и дом, Треф не нашел ничего. Зато в огороде, пёс обнаружил тайник – глубокую яму с бочонком, в котором была приго-

товлена взрывчатка на двести бомб!

По брянскому делу было задержано 35 человек. Большинство из них отправилось на каторгу, причастных к убийствам – повесили. Филиппов же, на счету которого было одиннадцать человеческих жизней, был приговорен к бессрочной каторге. Он избежал казни благодаря сотрудничеству с полицией, но вышел на свободу спустя шесть лет по всеобщей амнистии, объявленной Временным правительством после февральской революции 1917 года.

На воле оказались почти девяносто тысяч уголовных преступников – воров, налетчиков, громил, прозванных «птенцами Керенского». И когда в марте 1917 года был упразднен Департамент полиции, количество убийств и грабежей возросло в десятки раз.

В то же самое время, в городах, бывшие урки, перед портретом Керенского торжественно обещали, никогда не возвращаться к «преступному прошлому». Каждому из них вручались 500 рублей – «подъемные» для начала «честной жизни», продовольственный паек и направление на работу в «красную милицию» – заменившую собой царскую полицию. Так началось сращивание силовых структур с уголовным миром.

В октябре семнадцатого большая часть революционных отрядов состояла из уркаганов, впоследствии влившихся и в ЧК, и принявших как руководство к действию ленинский лозунг: «Грабь награбленное! Во имя революции все дозво-

лено!» Работником ЧК стал и серийный убийца Филиппов... Но это было позже...

В начале июля семнадцатого года Дмитриева с собакой вызвали в Петроград, на поиски обвиненного в шпионаже в пользу Германии Владимира Ульянова-Ленина.

Ещё в апреле «вождь пролетариата» вместе с другими политэмигрантами в опломбированном вагоне вернулся в Россию. И поселился в знаменитом, брошенном на тот момент владелицей, особняке балерины Матильды Кшесинской – бывшей фаворитки Николая Второго. Но большую часть времени «вождь пролетариата» проводил в снятом под политический клуб «Искра» помещении ресторана «Вилла Роде», закрытого в марте за нарушение сухого закона.

Как писал известный прозаик, фельетонист, и постоянный посетитель ресторана, Александр Амфитеатров: «г. Роде имеет право со справедливою гордостью заявить: На первых порах, после „пломбированнаго вагона“ кто только не швырял у меня немецких, генерального штаба, денег! И Гриша Зиновьев лыка не вязал! А Луначарский кренделя ногами выписывал! И Нахамкес, не заплатив, задним ходом удирал! И золотое сердце Феликса Дзержинскаго улыбками девочек утешалось! А однажды даже и самого Ленина... разумеете, языцы, и покоряйтесь: Ленина!! – замертво вынесли! Понимаете теперь, каков я есмь большевик. Относительно последнего пункта я мог бы даже лично свидетельствовать в пользу г. Роде, так как вез сие бездыханное тело с Виллы Роде

во дворец Кшесинской мой собственный бывший шоффер, впоследствии не без гордости о том повествовавший».

Но, легально «соратники вождя» гуляли недолго. После неудавшегося большевистского восстания, в начале июля, правительство отдало приказ о розыске Ульянова – Ленина, обвиненного в государственной измене. О том, что Ленин со товарищи, завсегда таи «Виллы Роде» в Новой деревне, было хорошо известно. Там и начали поиски. Взяв след, Треф привел сыщиков на Приморский вокзал – тот самый, откуда, восемь лет назад, начиналась его блистательная карьера сыскальной собаки. Здесь он его и потерял...

Привокзальный буфет продолжал работать, хотя большинство увеселительных заведений в Петрограде военного времени были закрыты. Инфляция, безработица и нехватка продовольствия сказались на облике столицы.

Дмитриев и Треф поднялись на второй этаж... В зале сидели подозрительные личности с красными бантами в петлицах, лузгали семечки. От бывшего разнообразия меню практически ничего не осталось. Посетителям предлагали лишь селедку, картошку, да квас. Все спиртное было заменено пивом, его называли «шампанским для пролетариата». Покрутившись на вокзале, вернулись ни с чем...

Треф опоздал лишь на сутки: накануне, Ленин, Г. Зиновьев, и рабочий Сестрорецкого завода Н.А. Емельянов, сели в поезд, и уже ночью прибыли на станцию Разлив, а спустя пару дней укрылись в шалаше на другом берегу озера. Семья

Емельяновых создала максимально комфортные условия революционерам. Супруга Николая Александровича готовила обеды, перевозила на другой берег, малолетние сыновья ловили рыбку к столу, собирали сучья, разводили костер, бдительно следили за окрестностями... Через месяц Ульянов бежал в Финляндию.

Это была единственная и фатальная неудача Трефа за всю десятилетнюю карьеру сыскной собаки. Нашел бы тогда Треф «вождя мирового пролетариата» и, возможно, колесо истории повернулось бы в другую сторону. Но, все же, они встретились спустя полтора года...

В середине января 1919 года председатель Совнаркома В.И. Ленин выехал из Кремля, вместе с сестрой Марией Ильиничной, личным охранником и шофером на машине, собираясь посетить детский праздник в загородном санатории в Сокольниках, где лечилась Надежда Крупская.

Это был воскресный вечер. Из-за обильных снегопадов, улицы завалены сугробами, продвигаться на машине было нелегко – ехали на небольшой скорости. У железнодорожного моста дорогу перегородили трое:

– Стой, стрелять будем!

Не обращая внимания на угрозы, шофер собирался ехать дальше, но Ленин, приказал остановиться:

– Надо узнать, что хотят эти люди. Наверное, милиционеры – форму ещё не ввели... проверяют пропуска!

Но, «милиционеры» – шесть нетрезвых мужиков, напра-

вили на пассажиров авто наганы.

– В чем дело, товарищи? Я же – Ленин! Вот мой пропуск! – гордо заявил «вождь всех трудящихся».

– Ну, и черт с тобой, что ты Левин! – бандиты мгновенно вытряхнули за шиворот всех пассажиров из машины, очистили карманы.

– Не знаю никакого Левина! Я в городе хозяин – Яшка Кошельков!

Прыгнув в авто, грабители испарились, а вместе с ними бумажник, браунинг и пропуск главы правительства...

Это была банда короля московских бандитов – Яшки Кошелька, державшего в страхе весь город. Ленин был потрясен: на глазах прохожих, ЕГО выгнали из машины, трясли за лацканы, обворовали, унизили! и никто не кинулся на помощь, не защитил грудью, не пожертвовал своей жизнью... а самое неприятное – рядом, в здании Сокольнического райсовета стоял часовой, и даже, возможно, наблюдал из окна за происходящим.

– Куды прешь? – Перегородил он дорогу ограбленным, попытавшимся зайти в здание.

– Позовите начальство, я – Ленин!

– Без пропуска не пущу! – уперся часовой.

Но пропуск остался у Яшки Кошелька... И тогда вождь, беспомощно умоляя: – да Ленин же я, Ленин! – распахнул пальто, заложил пальчики за жилетку, важно затопал, стараясь походить на свой плакатный образ: – Товарищ красно-

гвардеец, позовите начальство!

Второй секретарь райсовета тоже не смог найти общего между «великим мыслителем с сократовским лбом» и жалким, суевающимся, плешивым и коротконогим человечком с выпуклым животиком...

– У хороших людей, машины не угоняют... – пожурил он ограбленного, – вот у меня нет авто и на меня не нападают...

Но в ЧК все же позвонил... А после, заикающийся и красный, бегал, суетился, потел... Вскоре из гаража прибыла машина, за грабителями организовали погоню, о дальнейшей же судьбе секретаря можно только догадываться...

Тем временем, бандиты, разобрав записи в пропуске Ленина, наконец, осмыслили, какую важную птицу упустили. Срочно развернулись, в надежде поймать, сделать заложником, если понадобится, перебить Сокольнический райсовет, и освободить всю Бутырскую тюрьму!

Но опоздали – у здания райсовета высаживались чекисты...

В санаторий к жене в тот вечер Ленин все же добрался, а на поиски грабителей и угнанной машины были посланы Дмитриев с Трефом, служившие уже в органах Московской милиции.

Автомобиль вождя нашли быстро, деятельность банды, спустя некоторое время, закончилась вместе с убийством при задержании её лидера – Яшки Кошелька. Дело об ограблении вождя было сдано в архив, где и пролежало до конца

века под грифом «совершенно секретно». Униженный и беспомощный Ленин никак не уживался с хрестоматийным героическим образом, созданным большевистской пропагандой.

Чудо-собаку и её дрессировщика Ленин пожелал видеть лично. Треф с Дмитриевым прибыли в Кремль. О чем могла идти беседа, если после аудиенции, Владимир Ильич произнес: «Собака умница, да и ее хозяин не дурак, но политик. Это ужасно...»?

В разгул «красного террора», когда на улицах чекистами хватались все, кто хоть чем-то внешне отличался от серой массы, когда в подвалах ЧК ежедневно расстреливались сотни, когда жизнь человеческая перестала иметь ценность, шансов выжить, после подобного «приговора» из уст кровавого палача России, у Дмитриева не было...

Не нужен был Ленину свидетель унижения, не забыл он и участия в его поисках на побережье Финского залива, не простили Дмитриеву успешной работы в дореволюционном сыске и уголовные элементы, пришедшие во власть.

Весной 1919 года знаменитый российский сыщик, кинолог, воспитавший уникальную, сыскную собаку – Владимир Дмитриев был расстрелян по сфабрикованному делу.

Страшная, мучительная смерть от голода ждала и Трефа...

Официальные сообщения о том, что пёс, после казни хозяина, использовался только в племенной работе, восприни-

маются, как очередная лицемерная ложь.

О каком разведении могла идти речь, если большинство питомников и служебных школ были разрушены, военные и полицейские собаки пополнили армию бездомных животных, а большая часть кинологов примкнула к белому движению?

Никогда бы Треф не предал своего друга, никогда не принял бы пищу из чужих рук... Сколько душевных мук он пережил, ежеминутно ожидая хозяина! Сколько надежд, тоски и боли! Сколько дней продолжалась его агония? Или, быть может, некто, давно мечтавший о мести, попросту пристрелил его, одновременно избавив от страданий?

Знать бы, где сложил ты свои косточки, доberman Треф – великая ищейка, достояние Российской империи...

P. S. По иронии судьбы, в кровавой большевистской мясорубке погибли не только Дмитриев, Треф, Джунковский. В 30-е годы двое сыновей Емельянова Н.А. были расстреляны, один пропал без вести в лагерях. Супруги Емельяновы, укрывшие революционеров, репрессированы и лишены собственного дома, в котором все эти годы находится музей Ленина «Шалаш». Видимо, семья рабочего могла знать нечто, противоречащее официозному образу вождя.

Неизвестна судьба великого криминалиста Лебедева – создателя служебного собаководства в России. Лишь полковник Заварзин успел выехать во Францию, где до конца жизни

проработал на конвейере завода «Ситроен». Благодаря его мемуарам, Треф не забыт окончательно. Филиппов, в начале 20-х, заведовал охраной лагерей НКВД РСФСР.

Адолий Роде, по рекомендации Максима Горького, стал заведующим Петроградским Дома ученых...

№ 4

Верность

«Я хочу продолжать жить в мире, где еще существует верность, а клятвы в любви даются навечно»

Пауло Коэльо

Часть 1

10 апреля 1912 года.

Смеркалось, первые огни зажигались в окнах домов, густо облепивших побережье, солнце садилось за горизонтом, дул слабый весенний ветерок, но было довольно прохладно.

Пассажиры небольшого парохода «Номадик», принадлежащего английской компании «Уайт Стар Лайн», столпились на палубе, нетерпеливо ожидая прибытия легендарного трансатлантического лайнера, который доставит их на берег американского континента.

В полдень, 10 апреля 1912 года корабль вышел из английского порта Саутгемптон. Вечером того же дня, преодолев Ла-Манш, прибывал в бухту французского порта Шербур, где должен был взять на борт 172 пассажира и почту. Появление лайнера ждали журналисты, репортеры, духовой ор-

кестр.

К ногам немолодой женщины, в теплом, английском костюме и шляпе с вуалью, жался большой датский дог мраморного окраса. Собаке передалось волнение пассажиров – она часто и беспокойно зевала, по телу пробежала дрожь, особую тревогу вызывала слегка покачивающаяся палуба и темная, маслянистая вода за бортом.

Четвероногих пассажиров на пароходе было немало – маленькие капризные собачки: карликовый пудель, пекинесы, шпицы, важно восседавшие на руках великосветских дам, фокстерьер, пара эрделей, французский бульдог...

Собаки уже обнюхались, познакомились, а некоторые даже успели подружиться. Приветливо помахивая хвостиками, животные, похоже, как и люди, обсуждали между собой все события, происходящие вокруг.

– Ужасно! Нашим собакам придется плыть отдельно от нас, в конурах, – переживала владелица маленького поморанского шпица, молодая элегантная женщина по имени Маргарет Хейс, – Мы никогда не расстаемся, моя Леди – поистине «ручная» собачка!

– Ничего страшного, – ответил высокий элегантный мужчина с усиками, – мой эрдельтерьер Китти всегда и везде со мной. Где только мы не побывали! Приходилось собачке во время плавания жить в трюмах, клетках. В этот рейс я взял ещё и дочь Китти!

– В компании меня заверили: условия у наших четвероно-

гих друзей будут великолепными, как великолепен весь корабль!

– Вот он! Прибыл! Смотрите!

В бухту входил самый большой, на тот момент в мире, пароход. «Титаник» – «восьмое чудо света», сияя огнями, словно великолепный дворец на воде, стал на якорь. «Новое слово в кораблестроении», от которого ждали небывалых рекордов, быстроходности при большой грузоподъемности, способности перевезти в кратчайший срок через океан две с половиной тысячи человек! От всего его вида исходило ощущение необыкновенной мощи, горделивого величия.

Таких огромных судов, хозяйка датского дога леди Энн Элизабет Айшем, ранее никогда не видала. Впрочем, она и совершила то в своей жизни лишь одно путешествие по морю, когда девять лет назад перебралась из Чикаго во Францию.

Богатая наследница владельца чикагской юридической фирмы «Айшем, Линкольн и Билл», тонкий ценитель художественного искусства, коллекционер, устремилась в Париж – центр европейской культуры начала XX века. Но тогда у Энн не было собаки и переживаний из-за временной разлуки с ней на борту корабля.

– Красавец!!! – в восторге шептали пассажиры, по мере приближения «Номадика» к «Титанику».

– Город на воде!

– Ещё бы! По размерам, «Титаник», как пять городских

кварталов, – поспешили показать свою техническую осведомленность мужчины.

– И он непотопляем!

– Непотопляем? Уверять, что корабль непотопляем, значит бросать вызов Богу! Все, только в его руках! После таких заявлений, мне кажется, с этим кораблем обязательно что-то случится! – вдруг заявила одна из дам.

– Ох, не надо так! Сглазите! Тьфу, на вас! – возмутились пассажирки, одаривая «пророчицу» неодобрительными взглядами.

– Титаник непотопляем! – ещё раз повторил хозяин Китти. Это был известный изобретатель, писатель, мультимиллионер, полковник Джон Джейкоб Астер IV – владелец знаменитого нью-йоркского отеля «Уолдорф Астория». Вместе с молодой супругой он возвращался в США из свадебного путешествия по Европе и Африке.

– Всего семь дней пути и мы будем в Нью-Йорке! Не почувствуем никакой качки – морская болезнь не страшна! В Нью-Йорк прибудем 17 апреля, в крайнем случае, 18-го! А 20 апреля, в субботу, у нас в «Астории» состоится выставка собак! Приглашаю всех! Судьи – мои французские друзья, мистер и миссис Гольденберг – учредители клуба «Французский бульдог» в Париже, плывут с нами на «Титанике.» Прошу любить и жаловать!

Именитых пассажиров прославленного корабля, словно дорогих гостей в собственном доме, встречал сам легендар-

ный капитан – Эдвард Джон Смит.

– Добро пожаловать на борт, господа! Надеюсь, вам понравится корабль и наше путешествие. Будем рады удовлетворить все ваши требования!

– Капитан, мы понимаем: больших собак нельзя держать в наших каютах, но вот этих, ручных, карманных, быть может, всё же позволите взять с собой? – воспользовалась случаем жена медиа-магната Майра Харпер – хозяйка пекинеса по кличке Сун-Ятсен, названного в честь первого китайского президента.

– А у меня собачка крохотная, в карман помещается! Свадебный подарок мужа, Фру-фру – живая, плюшевая игрушка! И её в конуру? – подхватила девятнадцатилетняя красавица Хелен Бишоп, вместе с мужем она возвращалась из свадебного путешествия по Африке.

– Если вы гарантируете, что собачки не будут лаять и кусаться, пожалуйста! Пусть будут с вами в каютах.

– Капитан! Вы прелесть! – заверещали дамы.

– Жаль, что наших псов нельзя хотя бы временно уменьшить в размерах и тоже забрать с собой, не так ли, леди Айшем? – пошутил Джон Астер.

– Господа! Наш персонал проводит вас в каюты, а в 9 часов вечера жду на праздничном ужине – первом на борту «Титаника»!

Стюарты подхватили багаж, пассажиры направились в каюты, а Энн вместе с Джоном Астером, Китти, датским до-

гом Долли и другими, отправилась осматривать временное местожительство домашних животных на корабле.

Для собак было предусмотрено помещение на шестой палубе «Титаника» (палуба F), где каждая имела отдельную «конуру». И размещалось в четвертой трубе лайнера!

Три первые трубы отводили дым из топок котлов, четвертая, расположенная над отсеком турбины, выполняла функции вытяжного вентилятора, к ней был подведён дымоход для судовых кухонь, там хранился спортивный инвентарь, там же и было помещение для четвероногих пассажиров!

– Не волнуйтесь, – успокаивал владельцев животных старший офицер, – мы гарантируем самый лучший уход. Собаки будут накормлены, с ними буду гулять стюарды, по вечерам – мыть.

– У моей собаки слабый желудок, ей нужна специальная диета. Я сама буду спускаться к кормлению – ответила Энн, – не хочу доверять столь важный момент чужому человеку.

Поместив любимицу в конуру, Энн ещё долго стояла у клетки, не решаясь расстаться с собакой, нежно гладила по голове, ласкала ушки. Долли жалобно скулила, лизала руки.

– Будь умницей! Завтра приду пораньше и весь день мы проведем вместе. Не волнуйся, дорогая!

Закрылась дверь «собачьей конуры» и завывала, зарыдала её любимица. Тоскливо стало на душе, сжалось сердце и даже веселая музыка, звучащая из ресторана, не подняла настроение.

В 21 час удар колокола возвестил об ужине.

Ресторан первого класса был оформлен в стиле Людовика XVI. Все вокруг сверкало: лакированное дерево, инкрустированные стекла стеклянных дверей, мраморные каминны, мягкая, удобная мебель.

Нарядные дамы в сопровождении элегантных мужчин поглощали изысканные блюда.

Рядом с Энн за столом сидели две четы молодоженов (миссис и мистер Бишоп, мистер и миссис Харпер), возвращавшиеся в США после свадебных путешествий по Африке, а также пожилые супруги Ида и Исидор Штраус (владельцы универмага Macy's – самого большого в Нью-Йорке)

Хелен Бишоп щебетала без умолку, смакуя подробности личной жизни известных в высшем обществе пассажиров:

– Представляете! Полковник Астер развелся и женился на девице моложе его на 28 лет! Его сын Винсент старше новой жены! Она уже в интересном положении! Мы с ними пересекались в Каире! – тараторила миссис Бишоп.

– А Бен Гугенхайм – богатейший человек, металлургический магнат, путешествует с актрисой-любовницей! И это при живой супруге и детях, которых, конечно же, оставил дома!

Хелен жужжала, словно назойливая муха, у Энн уже начиналась мигрень...

Наконец, миссис Штраус не выдержала:

– Дорогая Хелен! Мне кажется, вы ещё слишком моло-

ды, чтобы обсуждать личную жизнь уже состоявшихся людей. Кстати, хочу Вам напомнить, развод с бывшей супругой полковника Джона Астера состоялся четыре года назад и никак не связан с нынешней женитьбой. Данный факт не предмет обсуждения за праздничным ужином. Надеюсь, ваш брак будет образцовым! Любите друг друга, живите долго и счастливо!

Хелен Бишоп вспыхнула, покраснела, собиралась что-то ответить, но мистер Штраус её опередил:

– Предлагаю тост! За всех молодоженов на этом корабле!

И, после выпитого бокала шампанского, пригласил супругу на вальс.

Энн огляделась. Пассажиры первого класса танцевали, смеялись, шутили. Праздничному настроению способствовал великолепный оркестр. Музыканты владели обширным репертуаром – от популярных вальсов Штрауса до новомодного регтайма, мастерски чередовали быстрые, весёлые, зажигательные мелодии и медленные, плавные, лирические, чтобы танцующие могли отдохнуть.

После блестящего кан-кана Оффенбаха, увлекшего танцевать почти весь зал, зазвучали печальные звуки вступления к вальсу Арчибальда Джойса «Осенний сон», и сразу отозвались болью незажившей раны в душе Энн, и нахлынули воспоминания...

Осень, музыка в парке, желтые и красные листья деревьев в такт звукам вальса ложатся на землю.

В конце аллеи, в длинном пальто, широкополой шляпе, с тросточкой, появился ОН. Рядом трусила пятнистая собака.

Всю жизнь Энн обладала каким-то загадочным свойством притягивать к себе внимание животных. Встречные собаки, здороваясь, заглядывали в глаза, иногда ей казалось, приветливо улыбались.

Вот, и в этот раз, пятнистая собака, издали заметив Энн, побежала навстречу, радостно виляя хвостом, словно доброй знакомой.

– Долли! Вернись! Ты ошиблась! – крикнул хозяин, но Долли была уже рядом, крутилась вокруг и готова была встать на задние лапы, чтобы поцеловать женщину в нос.

– Тебя Долли зовут, красавица? – Энн погладила собаку по голове.

– Не волнуйтесь, она вас не тронет, моя собака совсем щенок! – подоспел мужчина и пристегнул к ошейнику поводок.

– Какой большой, ваш маленький щенок! – пошутила женщина.

– Вы ей понравились, – смущенно добавил он.

Энн подняла глаз, и... это был миг божественного озарения, когда внезапно понимаешь – перед тобой ОН! Самый родной на свете человек! И о нем уже все известно, и не нужно слов, и достаточно одного взгляда, чтобы понять мысли, чувства, желания...

Мягкая улыбка, ласковые глаза! Все черты лица казались ей до боли знакомыми. Знала его в другой жизни? ином ми-

ре? измерении?

Потом были длительные совместные прогулки, беседы об искусстве. Ему нравились Моне, Ренуар, Писсарро, и произведения Доде, Мопассана, Золя и Рембо – были предметами их страстных обсуждений.

А ещё с ним приятно было просто молчать. И знать все его мысли – общение на уровне телепатии. Энн впервые была по-настоящему счастлива. Встреча с ним озарила её размеренную и скучноватую жизнь богатой, незамужней, великосветской леди. Он познала любовь на высочайшем духовном уровне, когда дорог каждый взгляд, жест, вздох, каждое слово.

С ними всегда была собака! Весёлая, ласковая, непосредственная. Она любила играть в мяч. А когда хозяин уставал, обиженно поджав хвост, подносила мячик Энн, гипнотизируя умоляющим взглядом:

– Ну, пожалуйста, поиграй со мной...

Долги в ту пору было всего шесть месяцев. Несмотря на большие габариты, выглядела она неуклюжим щенком, постоянно запутывалась в своих собственных, длинных лапах. Однажды заблудилась в складках длинного платья Энн, оторвала оборку. А потом встала на задние лапы, передние положила на плечи женщине, мокрым языком облизала лицо:

– Извини, пожалуйста!

Виноватый вид собаки Энн рассмешил.

– Я прощаю тебя, маленькая большая собачка! – рассме-

ялась леди.

– Как же вы подходите к друг другу, мои дорогие! – воскликнул мужчина.

– Я, пожалуй, тоже заведу себе собаку, – решила Энн, – наши совместные прогулки должны быть оправданными!

– Не спешите, – тихо попросил он и впервые, удивленно заглянув в глаза, прочла в них жалобную мольбу. Только сейчас, она вдруг осознала, что значит его худоба, впалость глаз, румянец, кашель...

– Да, Энн, у меня чахотка.

Холодный ветер кружил над аллеями парка сухие осенние листья. И оркестр играл тот же вальс. Он полулежал в открытом ландо, исхудавший и очень бледный. Теплый шарф, укрытые пологом ноги, голова дога на коленях. Нежно поглаживая собаку рукой в кожаной перчатке, говорил тихим голосом:

– Энн, мне недолго осталось. Я хочу, чтобы Долли осталась с Вами, живой памятью обо мне. Только Вам я могу доверить собаку. Вы ведь её действительно любите и, уверен, никогда не оставите!

– Как не хочется умирать, дорогие мои! Особенно теперь...

На похороны Энн не пошла. Он должен был остаться в её памяти живым, с привычной для неё, доброй улыбкой, ласковыми глазами. А Долли стала самым дорогим, бесценным подарком, несравнимым ни с какими бриллиантами, карти-

нами или статуэтками. Казалось, собака связывает её незримиыми нитями с любимым человеком.

Прошло полтора года. Долли превратилась в статную красавицу, и встречные оглядывались, любуясь высоким, сильным, мраморным догом. Жизнь в Париже была уже не в радость. Хотелось сменить обстановку, отдохнуть, забыться... Весной Энн решила навестить брата в Чикаго, провести с ним лето и, возможно, остаться в Штатах навсегда. Кроме того, ей выпала счастливая возможность совершить историческое путешествие через океан на новеньком «Титанике».

И теперь, она здесь, на корабле, с любимой Долли.

Нахлынувшие воспоминания не давали уснуть. Лишь под утро Энн забылась беспокойным сном. Ей пригрезился парк в снегу, пруд, затянутый льдом, Долли с мячиком, и мужчина в широкополой шляпе, с тросточкой на противоположном берегу. Собака вздрагивает, вглядывается и, сорвавшись с места, вихрем несется через пруд, навстречу ЕМУ! Но с треском ломается лед, и падает Долли в темную полынью, барахтается, бьет в отчаянии лапами по воде...

– Долли! Долли! – беззвучно зовет Энн, но не может вздохнуть – обручем сдавило грудь...

Женщина в ужасе проснулась. Бешено колотилось сердце. Машинально протянула руку, чтобы погладить собаку, спящую рядом с постелью, но нащупала лишь пустоту.

Мгновенно исчезли остатки сна. Взглянула в иллюминатор.

Светало. Пора навестить Долли.

Часть 2

Энн спустилась на палубу, и сразу раздался радостный лай собак. Нетерпеливо поскуливая, мощной лапой ударила Долли решетчатую дверцу, закачались стенки «собачьей конуры»:

– Открой скорее, я соскучилась!

– Как дела твои, милая?

– Собаки почти не спали, – пожаловался стюард, разносящий корм, – беспокоились, плакали!

– Вы уже выгуливали животных? Нет? Тогда почему же корм разносите? – удивилась Энн.

– Сначала прогулка, потом кормежка! И обязательно: догам нужна рыба, творог – продукты, богатые кальцием!

– Мы обязательно учтем ваши пожелания, леди!

– Я сама буду с ней гулять. Стоит прохладная погода, короткошерстая собака на сквозняке может быстро простудиться.

– Леди Энн, вы уже здесь? Порядок наводите? Рад вас видеть! – раздался за спиной голос Джона Астера. Веселый, подтянутый, спортивный, этот джентльмен легко становился «душой» любого общества. Энн импонировали его дружелюбие, оптимизм, тонкое чувство юмора.

– Знакомьтесь! Мистер Роберт Дэниел, сел на «Титаник» в Саутгемптоне, везет на выставку собак недавно приобре-

тенного французского бульдога.

– Я слышал, Гамин де Пикомб обошелся вам в 750 долларов? Это стоимость новенького «Рено» или квартиры в Нью-Йорке!

27-летний банкир, Роберт Уильяме Дэниел, внук первого генерального прокурора Соединенных штатов, был сказочно богат.

– Да, бульдог обошелся в кругленькую сумму. Хотя, есть собаки, которых продают и за 5000 долларов! Французский бульдог сейчас самая популярная порода в Европе. Я не смог устоять перед его очарованием! Купил и на всякий случай, застраховал на ту же сумму.

Гамин – небольшой черный пёсик с приплюснутым носом, большими ушами и любопытными глазками, оказался очень общительным. Освобождённый из плена «собачьей» конуры, сразу, не испугавшись огромной разницы в габаритах, смело потрусил к догу. Забавно виляя обрубок хвостика, церемонно поинтересовался:

– Надеюсь, Долли, вы хорошо провели ночь?

– Благодарю, мой друг, – поклонилась Долли – прогуляемся?

Большой датский дог и малыш бульдог, впоследствии, близкие друзья, выглядели комичной парой. Особенно, когда сидя рядышком на палубе, сосредоточенно наблюдали за волнами.

Четвероногие путешественники привлекли внимание вы-

сокого художника в одежде католического священника с фотоаппаратом в руках.

– Рад вас видеть, пастор Браун! – воскликнул Джон Астер.

– Вам выпала великая миссия – сделать поистине исторические снимки! Первое путешествие «Титаника»! Признайтесь, много уже сняли?

– Доброе утро, Джон! – ответил Фрэнк Браун. – Сделал уже несколько сотен, не теряю времени. Такой случай выпадает один раз в жизни.

– Устроим выставку фотографий в зале моего отеля, в Нью-Йорке? Сразу по прибытии!

– Простите, я очень сожалею, но мне придется сойти на берег в Квинстауне. – печально ответил пастор.

– Своему присутствию на корабле я обязан моему дяде Роберту, епископу Клойна. Он подарил мне волшебное путешествие на Титанике – из Саутгемптона в Квинстаун.

– Так попросите его разрешения продолжить путешествие с нами в Нью-Йорк! Мы оплатим вашу дорогу! – воскликнул Астер.

– Я уже телеграфировал ему. Однако, утром получил приказ: «Немедленно сойти с корабля!»

В полдень корабль прибудет в Ирландию, у меня осталось всего два часа. Спешу сделать больше снимков.

– Пастор! Быть может, для истории и собачек наших снимите? – спросила Энн.

– С превеликим удовольствием! Пожалуйста, привяжите

к поручням поводки, станьте за моей спиной, чтобы животные не отвлекаясь, смотрели на вас и в объектив!

– Внимание... Готово! Отличная фотография получится! Однако, собачка с бородкой, все равно за борт, на воду смотрела.

– Мой фокстерьер Дог реагирует только на кошек! За неимением их, всё время следит за волнами, боюсь, как бы не выпрыгнул за борт – ловить! – рассмеялся владелец фокстерьера, Вильям Даллс – адвокат из Филадельфии.

– Не беспокойтесь! кошек на судне нет. – заметил стюард.

– Корабль без кошки? А крысы? Кто же будет на них охотиться? – удивился Джон Астер.

– Была на судне кошка, звали Джейн. Недавно котят родила. Видел, как малышей своих на берег в Саутгемптоне таскала. И не вернулась, хотели её покормить, искали, звали, но на зов, Джейн так и не пришла. Наверное, встретила в порту кота! – рассмеялся стюард.

Пастор тем временем продолжил съемку. Его фотоаппарат, за сутки плавания, запечатлел почти тысячу снимков корабля, членов команды, убранство кают, гостиных и ресторанов, счастливых пассажиров, отдыхающих на палубах.

В 11.30 «Титаник» бросил якорь в ирландском порту Куинстаун, в двух милях от берега. Как и в Шербуре, мешки с почтой и новых пассажиров (в основном, третьего класса – эмигрантов из Ирландии), доставили пароходами компании «УайтЛайн Стар», которой принадлежал и «Титаник».

Исполнительный директор компании Брюс Исмей находился на борту лайнера, чтобы во время первого рейса контролировать работы всех служб. Он взял в плавание своего четвероного друга – ирландского сеттера по кличке Уайт Стар (Белая звезда)

В 13.30 якорь Титаника был поднят последний раз и корабль отбыл в свой первый и последний трансатлантический рейс в Нью-Йорк. На борту находилось 2207 пассажиров и членов команды.

Пастор попрощался с друзьями, сошел на берег, но продолжил снимать, как огромный лайнер с черным корпусом и белой надстройкой, освященный яркими лучами солнца, величаво исчезает за горизонтом...

Погода стояла ясная, на море полный штиль, но температура воздуха была низкой. Энн, укрывшись пледом, отдыхала на палубе в шезлонге. Рядом с ней, Долли и Гамин, как всегда, заинтересованно, наблюдали за бегущей по борту волной.

Уже скрылся из виду зелёный берег Ирландии, когда французское рыболовное судно прошло в опасной близости от «Титаника». Волна от его носовой части обрызгала рыболовов.

– Попутного ветра! – кричали французы. Лайнер ответил на приветствие мощным паровым свистком. Четвероногие пассажиры дружно облаяли шхуну.

По случаю солнечной погоды собаки гуляли на палубе.

Гамин был очарователен – любопытен, ласков. Бульдог быстро превратился во всеобщего любимца. Дети видели в нем живую игрушку, когда став на задние лапы, столбиком, пёс позволял гладить себя по животу, при этом удовлетворенно ворчал и даже слегка похрюкивал. Семилетняя Эва Харт, влюбилась в бульдога:

– Когда вырасту, обязательно заведу себе такую собаку! – твердила она.

– Эва, о чем ты говоришь? Французский бульдог очень дорогая порода, нам не по карману! – одергивала девочку мать. – Пойдем, не мешай людям!

– Мама! позволь ещё поиграть с собачкой. Ведь господин Дэниел не возражает?

– Конечно, милая.

Миссис Харт подошла к борту, подозрительно посмотрела вниз.

– Моя мама, считает, что корабль обязательно утонет! – шепотом рассказывала Эва,

– Она никогда не раздевается и нам с папой не разрешает! А по ночам не спит!

– Ничего страшного с нами не случится! Этот корабль не утонет – не может утонуть!

– Мой папа также говорит...

– Мы направляемся в Канаду, – к девочке подошел отец – мистер Харт.

– Должны были плыть на «Филадельфии», но команда за-

бастовала и рейс не состоялся. В пароходстве предложили поменять билеты на «Титаник». Моя жена очень впечатлительна. Я стараюсь не придавать этому значения.

– Какие красивые! Погляди, папа!

По палубе прогуливались пассажирки первого класса с маленькими собачками на руках, Ни на секунду не расставаясь со своими любимцами, дамы посещали парикмахерскую, массажную комнату и даже спортивный зал, с разнообразием тренажеров.

Здесь можно было совершить «прогулку» на механической лошади, на велосипеде, «грести» веслами в «лодке». Желаящие могли поплавать в бассейне, посетить турецкую баню, сыграть в гольф или покататься на роликах по специальному полю.

Но леди Энн старалась проводить все время с собакой. Чувствовала, ночные часы в одиночестве Долли переносит очень плохо.

Утром вместе прогуливались перед завтраком, днем любовались океаном, кормили хлебными крошками чаек. Прекрасными были вечера, когда солнце садилось за горизонтом, оставляя оранжевую дорожку на голубой поверхности океана.

Уютно устроившись в шезлонге, читала судовую прессу (на «Титанике» издавалась газета – пассажиры должны были находиться в курсе всех мировых новостей и курсах валют на биржах). Делилась событиями с Долли. Собачка слуша-

ла внимательно и, пытаясь понять слова хозяйки, потешно наклоняла голову на бок. Как же не хватало Энн ЕГО! Прекрасного собеседника и слушателя! Однажды, Энн увлекшись долгой тирадой по отношению к новомодному «натурализму» Золя, вдруг, заметила: необычность её поведения привлекла внимание.

– Ну, вот, Долли, теперь нас в «синие чулки» запишут! – рассмеялась она, поглаживая собаку.

В субботу, ранним утром 13 апреля, накормив дога, Энн уселась, уже по традиции в шезлонг, укрылась одеялом. Корабль двигался в тумане. На фоне предрассветных сумерек облака казались легкой дымкой. Долли подняла голову с колен хозяйки, настороженно заворчала.

– Что там? Почудилось, дорогая?

Собака продолжала рычать. Туман рассеялся и, на расстоянии ста метров, Энн неожиданно увидела старинное судно – высокие мачты, грязные, рваные паруса. Спустя мгновение, парусник исчез в туманной дымке.

– Видела, дорогая? – в ответ Долли заскулила, теснее прижалась к ногам.

– Мираж? Почудилось?

– Леди! Не почудилось! Я тоже видела парусник! – раздался женский голос.

За спиной стояла миссис Харт, та самая, которая «по ночам не спит».

– Я думаю, это «Летучий Голландец»! Его капитан продал

душу дьяволу! Парусник всегда появляется перед крушением!

Её фанатичный взгляд и глуховатый голос заставили Энн поежиться.

Часть 3

Лишь воскресным утром, во время завтрака, Энн представила возможность спросить у капитана Смита:

– Правда ли, что старинные парусные судна до сих пор можно встретить в Атлантическом океане?

– Старинные парусники? – капитан задумался.

– Да, вчера рано утром видела такой, будто только что в буре побывал, паруса рваные, мачты надломаны. В тумане не разобрала название.

– А скелеты на мачтах висели, леди Энн? – рассмеялся Джон Астер.

– Может быть, это был «Летучий Голландец»? Его команда торопилась домой, и не пришла на помощь тонущим, за что и проклята навеки. Теперь, корабль обречён скитаться по морям до самого Страшного суда! Всем встречным предвещает бурю, заманивает на рифы...

– Скелетов не видела – смутилась Энн, пожалев, что завела разговор.

– Энн, дорогая, наверное, заснули в шезлонге, и видели сон. Из-за собаки слишком рано встаете! – подхватила Хелен Бишоп.

– Значит, и я спал, и я видел тот же сон, и я видел тот же парусник! – воскликнул Уильям Томас Стэд, седовласый журналист, широко известный своими печатными расследо-

ваниями и фантастическими романами.

– Уильям, горазды же вы на сказки! Все читали ваши романы – увлекательно! Особенно, про кораблекрушение, которое вы пережили! – смеялся Астер.

– Джон! И кто это меня упрекает фантастикой? Тот, кто написал повесть «Путешествие в иные миры»? Разве не Джон Астер, собственноручно? Человек будет летать на ракете!!! – в тон ему, саркастически ответил журналист.

– Капитан! Признайтесь! Я слышал, рядом с капитанской рубкой кто-то везет египетскую мумию! – потребовал Бен Гугенхайм.

– Ему признаваться не надо! Мумию везу я! – заявил Стэд. – Купил в Британском музее, спрятал в багажник авто и вот, древняя египетская прорицательница составила нам компанию – движемся вместе, в Нью-Йорк!

– Уильям! Но ведь мумии приносят несчастья! – вытаращив глаза, шутливо «ужаснулся» Бен Гугенхайм.

– Это предрассудки! – затараторила Хелен Бишоп. – Недавно мы побывали в Египте. И я встретила гадалку. Знаете, что она поведала? Со мной произойдут три несчастья: кораблекрушение, землетрясение и автоавария! И что? Мне надо поверить во всю эту чушь?

– Господа! Прогноз погоды замечательный. Полный штиль, похолодает, но бури и кораблекрушений я вам не обещаю, как бы вы не просили, – пошутил Смит.

– Сегодня проведем тренировку пассажиров по посадке в

спасательные шлюпки!

К капитану подошел матрос с радиограммой.

– Господин капитан! Сегодня воскресенье! Какая может быть тренировка? Тем более, после завтрака нам обещали воскресную службу. Негоже трудиться в воскресный день, грех!

– Господин Исмей, прочтите радиограмму! – капитан протянул записку директору компании «Уайт стар лайн»

– Случилось что, капитан? – поинтересовался Бен Гугенхайм.

– Ничего страшного. Обычные для этого времени года льды. Господа, вы меня уговорили! Тренировку переносим на завтра!

– Но ведь завтра у нас выставка собак «Титаника»! – хором воскликнули дамы. Мы проводим её на парадной лестнице. Приз «зрительских симпатий» будем вручать у камина, в парадном холле под статуей Артемиды – покровительницы животных!

– Господин капитан, а ваша собачка будет участвовать? – поинтересовалась миссис Элизабет Ротшильд, супруга Мартина Ротшильда – «кожаного» магната.

– Я слышала, у вас русская борзая?

– Борзую подарил мне накануне отплытия мой друг – Бен Гугенхайм, – капитан поклонился Бенджамину. – Его именем и назвал собаку – Бен. Пёс переночевал на корабле одну ночь, накануне отплытия. Утром я отправил Бена к дочери.

Собственно, этот подарок и был приготовлен для дочери.

– Приглашаю всех на воскресную службу, господа!

– Всех владельцев животных, участвующих в завтрашней выставке, попрошу записаться к грумеру! – объявила миссис Гольденберг. – Собак помыть, причесать, когти подстричь, ушки почистить!

Часть 4

День был прохладным, к вечеру стало ещё холоднее, температура падала, и к ночи уже была близка к минусовой отметке. Энн рано попрощалась с собакой. После купания, перед завтрашней выставкой, не хотелось выводить Долли на холод. Вечером зашла в конуру, приласкала:

– Извини, гулять не будем. Очень холодно. Я замерзла, и ты можешь простудиться. Сразу после ужина, пойду спать, включу электрическую печку в каюте, почитаю.

Энн наклонилась, чтобы поцеловать любимицу в голову. От шкуры собаки исходил тонкий аромат душистого мыла. Долли лизнула хозяйку в ухо.

В ресторане первого класса ещё долго продолжалось веселье. Играл оркестр. В холле третьего класса не умолкал роуль – пассажиры лайнера танцевали, флиртовали, мечтали, любили.

Энн проснулась внезапно. И не поняла сразу, что не так. Стояла непривычная тишина. Двигатели корабля не работали. Взглянула на каминные часы – 23.45. Вероятно, корабль остановился на ночь. «Вокруг льды», – Энн вспомнила, как Смит передал за обедом Брюсу Исмею радиogramму. Тишина напрягала. Женщина оделась, выглянула в коридор. Мимо спешила чья-то горничная.

– Простите, мисс! Не знаете, почему корабль остановил-

ся?

– Говорят, лайнер тонет! Надоели мне эти шуточки! Спать иду, устала!

Энн вернулась в каюту, не раздеваясь, прилегла на кровать – было очень холодно. Едва задремала, как раздался стук в дверь и голос капитана Смита:

– Пожалуйста, господа, оденьтесь теплее, выходите на палубу.

– Что случилось, капитан?

– Небольшая авария. Придется всем сесть в спасательные шлюпки. Не волнуйтесь, ничего страшного.

На палубе уже был Джон Астер с супругой и горничной. Пассажиры первого класса, одетые по-зимнему, в спасательных жилетах, собирались на корме.

– Неужели капитан решил устроить тренировку по посадке в спасательные шлюпки среди ночи? – поинтересовалась Энн.

– Нет, Энн, это не тренировка. Необходимая мера предосторожности. Небольшая авария, корабль задел айсберг, но, я считаю, сейчас безопаснее находиться здесь, чем лезть в шлюпку и спускаться на поверхность океана, – ответил Джон.

– Думаю, пробоину скоро заделают. Хотите взять на сувенир кусочек айсберга? Смотрите, сколько льдин на палубе валяется!

Небо было безоблачным, звездным, каким всегда бывает

в морозную ночь. Огромный корабль сиял огнями посреди океана, на палубе оркестр играл весёлые вальсы, сигнальные выстрелы из ракетниц рассыпались по небу белым фейерверком, озаряя тёмную бездну за бортом лайнера. Обстановка праздничная и спокойная.

– Жаль. Если мы задержимся здесь из-за аварии, на выставку в Нью-Йорк точно не успеем. Не будем стоять на холоде, спрячемся в спортзале? – предложил друзьям Джон.

– Если корабль непотопляем, в шлюпки садиться зачем? Да и не хватит места всем пассажирам. Я, пожалуй, пойду в каюту, спать! – зевнула одна из дам.

– Женщины и дети! Приглашаю в шлюпку! – громко, в рупор объявил второй помощник капитана Чарльз Лайтоллер.

– А мужчины? Что с ними? – забеспокоились женщины.

– Мужчины подождут спасательный корабль. Он уже спешит к нам.

– Неужели все настолько серьезно, что придется мерзнуть посреди океана? – возроптали пассажиры.

Дамы неохотно начали занимать места в лодке.

– Быстрее, пожалуйста! В шлюпки садятся только женщины и дети!

– А молодожёнам можно сесть вместе с супругами? У нас медовый месяц! – кокетливо улыбнулась Хелен Бишоп.

Лайтоллер на минуту замялся: – Хорошо! Пусть садятся.

Энн машинально шагнула в лодку, села.

– Мистер Штраус! Садитесь в шлюпку вместе с супру-

гой! – пригласил Лайтоллер.

– Но, Вы же сказали: «в шлюпки садятся только женщины и дети»! – удивился шестидесятисемилетний бизнесмен.

– Ваш возраст разрешает вам занять место рядом с супругой!

– То есть, вы меня не считаете мужчиной? Не сяду! Не могу занять место, по праву принадлежащее женщине!

– Если мой муж остается на корабле, то и я вместе с ним! – Миссис Штраус решительно вылезла из шлюпки, обняла мужа:

– Мы с тобой так много пережили, негоже расставаться в трудную минуту. Куда ты, туда и я. В шлюпку сядет наша горничная! Возьмите мою шубу, милая, на море холодно.

– Я тоже остаюсь на корабле! – воскликнул Джон Астер. – Супруга моя сядет вместе с горничной!

– Джон, – обратилась Энн к Астеру, – вы думаете, опасность действительно велика? Корабль утонет? Что будет с нашими собаками? Их посадят на спасательное судно?

– Милая Энн, сейчас не до собак! – тараторила Элен Бишоп, – Было сказано: «в шлюпки садятся женщины и дети»! Фру-фру я только что в каюте заперла, Она так цеплялась, что даже платье моё порвала! Пришлось отбиваться!

– Хелен, как? Вы бросили маленькую собачку? Заперли в каюте? Вы же смертный приговор подписали, спасатели не найдут собаку в каюте без вас. Фру-Фру в карман можно было посадить! – ужаснулась Энн.

– Было сказано: женщины и дети! – жестким голосом, капризно поджав губы, повторяла Хелен Бишоп.

– Но я вижу вас в шляпке вместе с мужем и муфтой! В муфту можно было спрятать несколько таких Фру – Фру!

– Энн, вы правы! Свою Леди я в одеяло завернула, как ребёнка! – поддержала Энн Маргарет Хейс.

– Папа, как же наши собачки? – заплакал одиннадцатилетний Билли Картер. В собачьих конурах остались запортыми эрдельтерьер и кинг чарльз спаниель, принадлежащий его сестре Люсиль.

– Не беспокойтесь, дети, с животными все будет хорошо! Спасут всех. И людей, и собак, и даже нашу машину! Не надо плакать! – твердил Вильям Картер.

– Да, да, Билли. Не плачь! Я прослежу, чтобы собачек посадили на спасательный корабль! Веришь мне, малыш? – старался успокоить рыдающего мальчика Джон Астер.

– А я не успела забрать свои украшения в камере хранения! Там ТАКАЯ очередь! – огорченно вздохнула Хелен Бишоп.

– Не волнуйтесь, сейф с драгоценностями тоже погрузят на спасательное судно. Я прослежу – успокоил даму Джон Астер.

– Джон, – прошептал Бен Гугенхайм. – Носовая часть судна уже погружается в воду. Поверьте! Мы действительно тонем! Спасательный корабль не успеет к нам, будем реалистами!

Раздался рев пара. На палубу высыпали пассажиры первого и второго класса, одетые, кто во что: купальные халаты, пижамы, меховые пальто. Когда из раскаленных котлов стравили пар – шум стих, и сразу зазвучал леденящий душу вой, заставивший оцепенеть всех. Оркестр прекратил игру. Корабль выл, словно раненое, живое существо от боли, ужаса, безнадежности и предчувствия неминуемой гибели. Вой исходил из четвертой дымовой трубы «Титаника». Энн почувствовался голос Долли.

– Что это???

– Думаю, воют собаки, запертые в конурах – ответил Лайтоллер.

– Над ними четвертая труба парохода, многократно усилившая звук!

«Господи! Как могла я сесть в шлюпку, бросив собаку! Как поверила в байку, что собак спасут! Моя нежная, ласковая Долли! Я предала тебя, его и нашу любовь! Разве после такого, можно жить?» – пронеслось в голове Энн.

– Шлюпку на воду! – приказал помощник капитана матросам, – Трави!

– Как на воду? Я не брошу свою собаку! – Энн перемахнула борт лодки, бросилась бежать.

– Энн, куда вы? – крикнул вслед Джон.

– Надо освободить собак!

Но Роберт Дэниел её опередил. Он уже был в «конурах», открывал клетки. Энн схватила за поводки Долли и Китти,

остальные гурьбой побежали за ней. Сопровождаемая десятком собак, Энн поднялись на шлюпочную палубу.

– Джон, я привела собак!

– Леди! Садитесь в лодку! – с правой стороны палубы командовал посадкой первый помощник капитана Уильям Мэрдок.

– Только с Долли!

– Мадам! Бросьте собаку – другую купите! – крикнул кто-то из очереди на посадку.

– Я не брошу Долли!

– Уходите, не мешайте садиться другим! – волновалась очередь. Её грубо толкнули в спину, отдавили лапу Долли. Собака жалобно взвизгнула, её лихорадило от страха. Роберт Дэниел, держа на руках бульдога, метался вместе с Энн от борта к борту шлюпочной палубы.

– Леди Энн! Мистер Роберт! Идите к нам! – позвала миссис Штраус. Пожилая чета устроилась в шезлонгах поодаль толпы, – Спокойно встретим судьбу!

– Роберт! Энн! Не пристало нам выпрашивать милость! – Бен Гугенхайм, в шикарном смокинге, цилиндре, гордо размахивая тросточкой, вместе с камердинером направлялся в ресторан.

– Присоединяйтесь! Выпьем шампанского! Побеседуем с Вильямом Стэдом о нашем будущем, возможно, он расскажет что-нибудь интересное, он сейчас читает книгу в зале.

– Благодарю! Я все же попытаюсь хотя бы спасательный

жилет найти, – озаботилась Энн.

– Энн! Держите! Вам и Долли! – Джон Астер появился со стопкой жилетов. – Роберт! Гамин! Бен! Возьмите жилеты!

– Не трудитесь, Джон! Вы же понимаете, выжить в ледяной воде, шансов, практически, нет. Я исполнил свой долг. Моя любимая в шлюпке! Мы же с другом одели все самое лучшее, и собираемся встречать неизбежность, как джентльмены! С бокалом и сигарой!

– Бен! Я оптимист! Я буду бороться за свою жизнь и жизнь моих друзей до последнего! Роберт! Отдайте бульдога Энн, помогите мне одеть спасательные жилеты на собак мистера Картера. Он уже в шлюпке и плывет подальше от корабля. Я обещал маленьким Картерам спасти их питомцев!

– Шлюпок больше нет! Остались только разборные лодки! Носовая часть лайнера уходила под воду. Толпа людей, расталкивая матросов, в панике бросилась к борту. Полторы тысячи человек, движимые животным ужасом, давили друг друга, в надежде попасть в разборную лодку, рассчитанную на шестьдесят пассажиров. Двое обезумевших, пытались сбросить в воду, уже сидевших в шлюпке, женщин.

Мэрдок выстрелил в воздух. Этого оказалось достаточно, чтобы привести людей в чувство. Лодка спустилась на воду, и оркестр продолжил прерванный вальс – «Осенний сон».

Палуба резко накренилась, Энн уже не могла стоять, ноги скользили. Долли в отчаянии царапала когтями пол. Но ничто уже не могло помочь. И они прыгнули в ледяную воду.

Перехватило дыхание, холодом обожгло кожу. Благодаря жилету, Энн удержалась на поверхности, и даже не выпустила из рук поводок. Рядом была лапами по воде Долли, барахтался французский бульдог.

– Энн, дальше от корабля! Плывите! – услышала голос Джона. Он плыл ей навстречу вместе с Китти.

Между ними было несколько десятков метров, когда корабль накренился ещё больше. С жутким грохотом, рухнула в океан труба и увлекла в темную бездну Джона, Китти, всех, кто был рядом...

Огромная волна накрыла Энн с головой. Легкие наполнились водой. В глазах потемнело. Но она ещё слышала звуки любимого вальса...

Вскоре стало тепло и радостно. Она вновь гуляла с Долли по парку. По зелёной аллее, в широкополой шляпе, с тросточкой, навстречу шел ОН...

«Мы снова вместе, мои дорогие!» Радовалась собака, виляла хвостом, лизала в лицо...

Энн не довелось увидеть окончание трагедии: как гигантский корабль разломился надвое и, когда его носовая часть ушла под воду, корма, словно огромная башня, еще стояла в океане несколько мгновений, пока не заполнилась водой, а потом стремительно ушла под воду, унося с собой сотни человеческих жизней. Огромный мир, который только что жил, смеялся, мечтал и любил, исчез в океане навечно.

15 апреля 1912 года в 2. 20 минут жертвами катастрофы

стали 1517 человек.

В 4.10 минут подошел пароход «Карпатия», первым откликнувшийся на сигналы бедствия, поднял на борт 700 пассажиров спасательных шлюпок.

К сожалению, он прибыл на место трагедии поздно, спустя четыре часа.

Через два дня экипаж пассажирского судна, вылавливающий мертвые тела, недалеко от места гибели «Титаника», видел замерзшую женщину в нарядной одежде, прижимающую к себя большую собаку.

Позже, матросы спущенной на воду шлюпки, так и не смогли найти её в океане. Очевидно, Энн и Долли унесло течением...

Тело Джона Астера было найдено спустя 22 дня после гибели. Писателя и миллионера, способного приобрести в собственность не один корабль размером с «Титаник», идентифицировали по печатке с инициалами J.J.A.

Но богатство человеческой души не зависит от его счета в банке или положения в обществе, и раскрывается порой лишь в чрезвычайной ситуации.

P.S.

Из 13 собак, находившихся на борту «Титаника», спаслось трое:

Ручные, маленькие собачки, постоянно находившиеся при хозяевах: померанский шпиц Леди, померанский шпиц,

кличка которого осталось неизвестной, и пекинес Сунь – Ятсен.

Погибли: три собаки породы эрдельтерьер, кинг чарльз спаниель, чау-чау, фокстерьер Дог, карликовый пудель Фру-Фру, французский бульдог Гамин де Пикомб, датский дог Долли.

По неподтвержденным данным, ирландский сеттер Уайт Стар, принадлежавший Брюсу Исмею был выловлен из воды пассажирами одной из шлюпок. Исполнительный директор компании «Уайт Стар Лайн» выжил, но был заклеимен позором. Покинув вскоре свой пост, остаток жизни Брюс провёл как отшельник, не находя оправдания себе самому в том, что сел в одну из последних лодок.

Роберта Дэниэла подобрала одна из спасательных шлюпок «Титаника». Там он познакомился со своей будущей женой.

Эва Харт, благодаря бдительности матери, села в спасательную шлюпку одной из первых. Отец утонул. Эва прожила девяносто один год. Всю жизнь её сопровождали собаки породы французский бульдог.

Супруги Хелен и Дикенсон Бишоп благополучно прибыли на борту «Карпатии» в Нью-Йорк. Во время последующего, после кораблекрушения, отдыха в Калифорнии, им пришлось пережить землетрясение. В декабре 1912 года Хелен родила сына, но малыш умер спустя два дня. В ноябре 1913 года автомобиль, в котором ехали супруги, врезался в дерево. Хелен сильно пострадала. Ей пришлось пережить тяже-

лую операции по вживлению стальной пластины в основание черепа. Это сохранило жизнь, но изменило психическое состояние – Хелен преследовали видения погибшей на «Титанике» Фру-Фру. В январе 1916 года супруги развелись. Спустя два месяца, будучи в гостях у подруги, Хелен упала и вскоре умерла. Ей было 24 года.

По иронии судьбы, некролог по случаю её смерти был опубликован в газете на той же странице, где и объявление о предстоящем браке её бывшего мужа Дикенсона Бишопа.

№ 5

Это просто собака

Благодарю за предоставленные материалы и оказанное доверие Светлану Цыганкову и Анну Филатову – героев этой удивительной истории

Двери автобуса дальнего следования с шипением затвори-

лись – машина тронулась. Света долго не могла остановить текущие по щекам слёзы, унять нервную дрожь – в голове вновь и вновь прокручивались эпизоды скандала с водителем. Сердце болело от страха за Машку, страдало от обиды, унижения и абсолютной беспомощности.

Всего пару часов назад, прощаясь с Анной, в доме которой гостила несколько летних месяцев, Света была счастлива и полна сил. Ничто не предвещало столь ужасного поворота событий. Только Машка с самого утра выглядела немного расстроенной, будто предчувствовала неприятности.

В дороге предстояло провести всю ночь – от Первомайска до Киева почти шесть часов езды. Пытаясь успокоиться, уснуть, Светлана закрывала глаза, но тут же в памяти всплывала физиономия водителя – злая, красная, с черными усами, как у «сеньора Помидора» из детской сказки, и оскорбительные фразы, словно плетью, хлещущие по лицу:

– Вон убирайся, женщина, со своей грязной собакой! Не повезу нечистое животное!

– Где вы видите грязь? – возмущалась Светлана, – Помыта, причесана, в наморднике! и подстилка есть! Я инвалид, а собака – помощник мой и компаньон! В правилах написано: при наличии документов и билета – провоз собак разрешен! И в кассе сказали – водитель должен продать билет на собаку!

– Ты! женщин! Умная очень! Правил мне не указ. Я сам здесь правил! Гони собаку! Или убирайся сама с ней! – в гне-

ве путался в русских словах турок – водитель, работающий по найму в украинской частной автобусной компании.

– Вы не имеете права так поступать!

– Не хочешь выходить? Сейчас дежурну позову – погоним силой! – угрожающе прошипела красная рожа. И злобный «помидор» решительно покатился в сторону автовокзала.

Света осталась ждать своей участи на задней площадке автобуса. Пассажиры в салоне неодобрительно молчали. Хоть бы кто-нибудь заступился. В воздухе повисла напряженная тишина: из-за скандала со Светой выезд автобуса задерживался.

Машка испуганно жалась к Светиным ногам: дрожала, нервно зевала, чувствовала, что скандал каким-то образом касается её и хозяйке очень плохо. Как реагировать в подобной ситуации – не знала, была ещё очень молодой, неопытной – не исполнилось и года.

– Полюбуйтесь! Уселась со своей тварью – не желает выходить! Выезд задерживает! Мне её силой высаживать? – готовый лопнуть от негодования, вопрошал «помидор» толстую, белобрысую дежурную и двух рослых румяных молодцев в милицейской форме.

– Предъявите документы! – козырнув, потребовал милиционер.

– Документы в порядке – билет на этот рейс, справки, международный паспорт. Билет на собаку – кассир сказал, – у водителя купить. Я не нарушаю никаких правил – «провоз

собак разрешен на задней площадке автобуса!» – пытаюсь сдерживать слёзы, дрожащим голосом объясняла девушка.

– По правилам частных перевозок, если не хочет водитель – не повезет! Выходите! либо езжайте, а собаку оставьте здесь! – довольно грубо рявкнул другой молодец.

– Вы в своем уме? как можно бросить животное? Она погибнет!

– Без неё я абсолютно беспомощна, – умоляла неприступных мужчин девушка.

– К утру нам на киевский автобус до Москвы надо попасть – раз в неделю ходит, билеты уже куплены.

– Очистите салон! Не задерживайте! Водитель из-за вас нарушает график движения! – и, взяв под руки Светлану, «добры молодцы» вытащили инвалида-колясочника и собаку-помощника из автобуса.

– Как же так можно! Я гражданка России! Буду жаловаться! – в истерике, трясущимися руками Светлана достала телефон – куда звонить в такой момент? где искать защиты от самоуправства, жестокости, бездушия.

И вдруг, затараторила дежурная:

– Девушка! Давайте так поступим: вы в салоне поедите, а собачка ваша в багажном отсеке! Это единственное, чем я могу помочь.

– В багажном отсеке? – растерялась Света – Хорошо! Мы поедим в багажнике!

– Не поняли? Людям нельзя! Собаку в багажник! – взре-

вел водитель.

– Но ей там плохо будет, там же сумки, чемоданы, все перекатывается...

– Привяжу её и сумки закреплю, – пропыхтел «помидор», глядя куда-то в сторону...

Сколько раз Света кляла себя потом, что пошла на этот компромисс!

Инвалидную коляску и испуганно поскуливающую собаку погрузили в отсек багажника, привязали поводком к поручню.

– Машенька, не переживай, не бойся, я тебя не бросаю – буду рядом, в салоне... – Света обняла любимицу, и подтянувшись на руках – ноги почти не действовали из-за родовой травмы – второй раз за вечер поползла в салон высокого автобуса, заняла место согласно билету.

Сидевший рядом мужчина посочувствовал: «Ну, не переживайте особо... с вами ещё более менее нормально поступили, потому что вы из России... украинцев бы вообще не взяли... что для них животное – просто собака!»

Нет, не просто собакой была Машка! Она – друг, помощник, компаньон, защитница! Как часто, Света становилась на улице жертвой хамов, алкоголиков, готовых покуражиться над беззащитным человеком! И Машка, всегда безошибочно чувствующая угрозу, являлась спасительным барьером между хозяйкой и обидчиком. Присутствие собаки не раз останавливало наглецов.

А в часы грусти, печали и одиночества, Машка была прекрасным слушателем и собеседником: положив лапу на колени Свете, заглядывая в глаза, лизала руки, ворчала, покусывала – пыталась ответить, рассказать что-то на своем, собачьем языке. Нет! Машка была не просто собакой! Она – Светина семья, её ребёнок, часть души!

Светлана не могла сейчас представить, как существовала раньше без Машки. Всю жизнь она мечтала иметь кого-то рядом, способного разделить её одиночество – собаку или кошку. Но взять ответственность за животное долгое время не решалась, боялась – не справится.

Однажды, в доме подруги Ани, Света познакомилась с собаками – помощниками инвалидов! Увидела чудеса, на которые способны эти удивительные создания: по команде за-таскивали Анну вместе с её инвалидным креслом на высокий уличный бордюр, открывали – закрывали входные двери, поднимали упавшие, находили потерянные, вещи и были надежной защитой от человеческой подлости и жестокости. Редко можно было встретить у людей такую нежность и бескорыстную любовь, какой эти собаки одаривали своих хозяев.

Желанного щенка девушки нашли на интернет – форуме «Пёс и кот»

И вскоре маленькая Машка появилась в доме Светы. Деловито прошлась по комнатам, опробовала приготовленную лежанку, понюхала миски, подошла к хозяйке, заглянула в

глаза и, доверчиво положив голову на колени, вопросительно шевельнула ушами: здравствуй, мой родной человечек, теперь навсегда? до самой смерти?

Мгновенная, глубокая и взаимная любовь! Света и Машка никогда больше не расставались – всегда вместе!

И сейчас, когда верную подругу пришлось поселить в багажном отсеке, Света чувствовала себя предателем. Прости меня, Машенька, всё будет в порядке, дома скоро будем... Постепенно, в полумраке салона, девушку сморил сон. Несколько раз тревожно просыпалась, вспоминала о Машке и сердце ныло от тоски и бессилия.

В сгущающихся сумерках осеннего вечера, по обочине автомобильной трассы, ехал на велосипеде пожилой деревенский житель, ставший свидетелем необычной картины: из остановившегося автобуса, вышел водитель, открыл багажник. С жалобным визгом вылетела оттуда на дорогу собака. Автобус продолжил движение в киевском направлении.

– Киев! Прибыли! – Светлана резко очнулась, взглянула на часы: без десяти пять – ещё не рассвело. Опираясь на руки, с трудом вылезла из автобуса. Водитель долго разгружал багаж, вынимал вещи пассажиров, севших после Первомайска. Света с волнением ждала Машкино появление. Воображение рисовало самые неприятные картины: Машка задохнулась! Чемоданом раздавило лапы... Сумку и коляску девушки водитель вынул последними, и, резко повернувшись, быстро направился к кабине автобуса.

– А собака? Где моя собака? Где Машка????!!

– Убежала твоя собака! – захлопнув дверь, ответил водитель.

– Где убежала? Как убежала? Почему не сказали мне?! – закричала Светлана.

– Беспокоить не хотели! – и автобус резво умчался в темноту. Света только успела сфотографировать на мобильный его номерные знаки.

* * *

Аня Филатова переехала из Москвы в Первомайск несколько лет назад. После смерти матери в наследство достался дом с участком. На собственной земле, любительница природы и животных, чувствовала себя намного лучше, чем в тесной московской квартире на семнадцатом этаже.

Анино «родовое гнездо» стало прибежищем для многих, пострадавших от людей, собак и кошек. Дом дышал добром и гостеприимством. Часто приезжали подруги из Москвы – отдохнуть от суеты перенаселенной российской столицы.

В этом году гостили несколько месяцев Света и Машка. Осенью собрались в Россию – пора приступить к занятиям в институте. 30 сентября вечером уехали на автовокзал Первомайска, откуда начиналось их путешествие в Киев, потом в Москву.

По подсчетам Ани, 1 октября около трёх часов дня, Света

и Машка должны были подъехать к российской границе.

– Скоро дома будут мои подружки, – подумала Анна. И в это время громко хлопнула дверь калитки.

– Кто бы мог быть? так влетать в дом, где много собак, может только свой!

Во двор на коляске въехала Света – красное, опухшее от слёз лицо, трясущиеся руки...

– Света!!!! Что случилось, почему ты вернулась? где Машка????

– Они... мою собаку... потеряли... – рыдала девушка, её трясло, почти не могла говорить.

– Я об этом только в Киеве узнала – сразу на автобус и обратно, сюда. Зачем они сделали это? Чем помешало животное?

Аня побелела от гнева. Обладая от природы добрым, мягким характером, в такие минуты она становилась собранной и жесткой.

– Соберись! Найдем Машку! Сейчас печатаем на принтере объявления о пропаже, потом на автовокзал, разбираться с этим уродом.

– Да эти турки всем пассажирам хамят! – жаловалась кассирша, – Они и женщин-то совсем не уважают, не то, что собак – многие жалуются. Что поделаешь – это ж турки, у них другие законы!!!

– Национальность водителей здесь не при чем! – возразила Аня.

– В Турции прекрасно относятся к животным, лучше, чем в России и Украине! Разве в автобусе турки ехали? Нет! Украинцы, русские!!! И никто из них не вступился за инвалида! Все сделали вид – их не касается! Привыкли жить по принципу: моя хата с краю! Нет плохих народов – есть плохие люди! Из-за их равнодушия торжествуют жестокость и хамство! И у хамства нет национальности!

Злополучный автобус был в рейсе и подруги догнали его на маршрутке уже ночью 2 октября в 60 км. от Первомайска. Сложная гамма чувств – от изумления до испуга отобразилась на лице водителя, увидевшего перед собой на остановке Свету.

– Скажите, пожалуйста, где именно вы выбросили мою собаку, в каком месте? Надо её найти! – вежливо попросила девушка.

– Ты что, женщина! Я всё помнить должен? Отстань от меня! Твоя собака весь багажник обосрала, сумки пассажиров сожрала! Дрянь животное! И ты – иди отсюда!

– Были жалобы пассажиров? Есть хоть одно заявление по съеденной сумке? Она же в наморднике была! – на коляске быстро подъехала к автобусу Анна в сопровождении мужа Леши.

– Собака не привыкла ездить в багажном отсеке! Вас же просили взять её в салон, она постоянно должна находиться при хозяйке, помогать!

– Ты ещё откуда взялась? Женщина, что – самая умная?

Идите отсюда!

– Никуда мы не пойдём. Мы купили билеты на автобус и вы повезете нас сейчас, покажите, где выбросили собаку. Мы – граждане России! Вы нарушили все законы, призывающие помогать инвалидам! Завтра обращаемся в российское консульство! Пишем заявление в милицию! Если считаете, что собака – мусор, так хочу заметить: за собаку заплатили как за багаж и этот багаж лично вы потеряли или похитили! Пусть правоохранительные органы разбираются!

– Ладно, ладно! Садитесь – поедём! – вдруг резко сбавил хамские обороты «помидор», – Сейчас покажу, где сбежала...

Несколько раз потом останавливал он на трассе автобус, пытаясь заискивать перед девушками, свистел, звал:

– Собаська, иды сюда...

– У Кривого Озера ищите, здесь она потерялась, – признался он наконец.

* * *

Посёлок Кривое Озеро находится в 47 километрах от Первомайска.

Вдоль трассы много деревень в сторону Николаева – Лукановка, Сырово, Березки, Вradiевка, а в Киевском направлении – и того их больше... Расстояние, которое предстояло обыскать – десятки километров...

Весь следующий день Света и Аня на инвалидных колясках ездили вдоль дороги, звали Машку. Леша обшаривал придорожные кусты.

На автобусных остановках повесили объявления о пропаже собаки, напечатали сообщение в газете. Опрос местных жителей ничего не дал – Машку никто не видел.

Обратились за помощью в милицию – но там долго отказывались принимать заявление:

– Это же просто собака! Ничего ценного в ней нет! Не багаж!

– ЭТО НЕ ПРОСТО СОБАКА! Вы обязаны принять заявление о пропаже ПОМОЩНИКА гражданина другой страны, – юридическое образование Анны весьма пригодилось в те дни.

Пришлось смириться защитникам порядка:

– Пишите заявление, но многого не ждите – спасательных отрядов на поиски собак высылать не будем.

И снова две женщины на инвалидных колясках по дороге в Киев, а мимо пролетают машины и равнодушные лица людей, и ощущение абсолютной беспомощности, и бесконечный страх за Машкину жизнь.

Яркое осеннее солнце, холодный пронизывающий ветер и автотрасса в триста пятьдесят километров.

– Света, путь от Первомайска до Киева проехать на колясках нереально... возможно, собаки нет в живых. Ни милиция, ни владелец частной перевозки, вместе со своим во-

дителем – уродом, не станет её искать, не помогут. Я подумала, быть может обратиться за помощью через интернет к волонтерам, на зоозащитные форумы?

– Наверное, ты права, Аня – своими силами не справиться. Я буду продолжать поиски на дороге. Ночевать в гостинице Кривого Озера, утром искать в окрестных деревнях. Мне кажется, Машка, где-то совсем рядом, и, сердцем чувствую, жива пока.

Анна вернулась домой в Первомайск и отправила сообщение в интернет, на форум «Пёс и кот» (ПИК).

Просьба о помощи мгновенно распространилась по социальным сетям, облетела мир и, вызвала глубокий шок беспрецедентным хамством, беззаконием и жестокостью в отношении человека с ограниченными физическими возможностями.

Кто мы – серая масса быдла с исковерканным сознанием? злобные двуногие твари, живущие инстинктом потребления? биологический мусор, загадивший планету?

Или высшие существа, призванные нести вселенское добро, сострадание, любовь ко всему живому?

Насколько велика сила интернета, способного мгновенно объединить людей с добрыми сердцами!

Телефон Анны «взорвался» звонками: незнакомые люди из разных стран спешили выразить солидарность, поддержку, страстно желали успеха в поиске Машки.

Посыпались сообщения о всех, встреченных в районе

трассы, собаках.

Поймали кокер-спаниеля, нашли пуделя, пекинеса, видели, как рыжий пёс с белыми лапками бежал за автобусом. Но приметы не совпадали – Машки среди них не было...

Утром в гостиницу Кривого Озера к Свете приехали журналисты, и уже вечером вышел телесюжет о выброшенной водителем автобуса собаке – помощнике инвалида.

А Света продолжала упорно искать Машку на трассе в районе Кривого Озера.

С утра до позднего вечера, в любую погоду, по асфальту, а чаще – по ухабам и ямам грунтовых деревенских дорог, стирая ладони в кровь от постоянного вращения руками колес инвалидной коляски, с болью в сердце и единственным желанием – Машка, собачка родная, найдись!!!

Вот сейчас – из-за поворота или придорожных кустов выбежит на зов родное лохматое существо, бросится на колени, оближет, поцелует в нос! Хвост пропеллером и визг счастья...

Бедная, добрая Машка, маленькое моё очарование! Заласканная, зацелованная, привыкшая к уютной, мягкой лежанке, пищащим игрушкам, чистой воде в красивой миске.

Где ты сейчас? в наморднике, лишённая возможности есть, пить, защищаться...

Да, и без намордника никогда не сможешь ты в свою защиту броситься на человека или подраться с бездомной собакой – слишком интеллигентна, добра по характеру и вос-

питанию.

Света вспомнила, как Машка подружилась в Анином доме с кошкой и животные спали, прижавшись друг к другу, на общей лежанке. Собака помогала своей подружке переносить котят, осторожно брала малюток впасть, а Аня, смеясь, фотографировала эти трогательные сцены.

Визг тормозов машины прервал её воспоминания. Водитель успел остановиться. В последний момент, в сгущающихся сумерках, заметил силуэт девушки. Света была на волосок от гибели...

А наутро заехала в местный магазин – сделать дополнительные ксерокопии объявлений о пропаже Машки и приятно удивилась: её ждал подарок от местных жителей – светоотражающий жилет, дабы не случилось впредь с девушкой непоправимое.

Объявления о пропаже собаки висели на автозаправках, магазинах, автобусных остановках. Волонтеры раздавали листовки водителям транспорта на маршрутах Николаев – Киев, Одесса-Киев, Умань, Любашевка. Люди присоединилось к поискам: проезжая предполагаемое место пропажи, останавливались, искали в зарослях вдоль дороги, опрашивали местных жителей – все было тщетным.

В пятницу вечером на помощь Свете приехала машина с волонтерами из Одессы, решившими посвятить свои выходные поискам собаки. На медленной скорости объехали все окрестности Кривого Озера, но... безрезультатно.

Прошло уже пять дней, как собаку выкинули из автобуса.

Где жила Машка всё это время, чем питалась? Быть может, уже погибла от голода, жажды, её могла сбить машина, порвать стая беспризорных собак... Машка – домашняя, и, скорее всего, пошла за помощью к людям. Кого встретила она на пути своем? Помогли ей кто-нибудь? Или где-то, в придорожной канаве лежит её застывшее тело?

– Надо расширять зону поисков! Едем в сторону Первомайска! Столько дней искать в одном и том же месте бесполезно!

В вечерних сумерках, на повороте к деревне Кумари, в 25 км. от Первомайска, прокололи два колеса – пришлось повозиться с домкратами, запасками. И вдруг, метрах в пятидесяти от машины мелькнул силуэт собаки... Мерещится, или... Машка?!

Сверкнули в темноте глаза, собака шарахнулась в кусты, исчезла. Нет, не Машка. В два раза меньше и очень пугливая. Сколько таких несчастных бедолаг, в ужасе бегущих от людей, повстречалось за это время. Завтра обязательно проверим эти Кумари.

Субботним утром, 6 октября, измученные недельными поисками собаки, Света и Аня отправились в церковь. Поставили свечки, молились и просили Бога не допустить гибели невинного существа, а если несчастье все же произошло – помочь найти тело Машки, ибо мучительнее всего неизвестность.

Что чувствует домашнее животное, брошенное на дороге? Когда вместе с уносящимися вдаль габаритными огнями машины, исчезает все, ради чего стоило жить! Неистовый бег по трассе, стертые в кровь подушечки лап, нехватка воздуха в лёгких, когда бежишь «на последнем дыхании», но сил физических не хватает... Машина пропадает за горизонтом и рвется нить, незримо связывающая собаку с любимым человеком! Остается ужас внезапно обрушившегося одиночества, беспомощность и вера: хозяин обязательно вернется! Через час, месяц, год, но вернется! Иначе не имеет право на существование мир, в котором нет преданности и любви, где правят подлость и предательство!

Собака вернулась на место, где её выбросили. Намордник съехал в сторону и теперь висел, пристегнутый к ошейнику. Сутки лежала на обочине дороги, зализывала раны на лапках и вскакивала на шум всех приближающихся машин. Однажды мимо промчался знакомый автобус, и снова состоялась сумасшедшая, бесполезная погоня.

Света не возвращалась. Машка долго не решалось покинуть свой пост на дороге даже на минуту, но мучительный голод все же заставил пуститься на поиски пищи.

Рядом деревня и аппетитный запах свежих булок из придорожного магазина. Вдруг оттуда появится Света, как бы

вало в Москве? Сидела у дверей, ждала. Но выходили только незнакомые люди, несли сумки, полные вкусной еды.

– Голодная? Возьми, собачка! – мальчик лет семи протянул пирожок. Машка жадно проглотила, ткнулась благодарно носом в маленькую ладошку. Вышла на крыльцо странная тетка и, при виде собаки, визгливо закричала, замахала руками. Машка в ужасе рванула в придорожную канаву, спряталась...

Вечером, когда решила поискать пищу у мусорных баков, внезапно появилась черная собака – предъявила права собственности на соблазнительно пахнущую помойку. Результатом встречи с лохматым аборигеном – стала прокушенная Машкина задняя лапа.

Потом бродила вдоль трассы, находила куски пищи в мусоре, среди выброшенных из машин целлофановых пакетов, ловила полёвок и однажды ей сказочно повезло: нашла дохлых ворону и голубя...

Иногда посещала деревню в страстном желании найти там Анин дом, где живут её милые, родные люди, подружка – кошка, собаки... Даже обнаружила похожий, но ворота, как не царапай, не хотели открываться.

Почему мир внезапно изменился? Куда делись все, кого она так страстно любила? Куда исчезла человеческая доброта и приветливость? Почему попытки наладить контакт с людьми, вызывают у них необъяснимую реакцию – грубый, визгливый крик, угрожающие жесты? В неё летят палки и

камни, и один попал в нежный собачий нос. Машка стала бояться людей и старалась не попадаться им на пути.

Иногда, бывая в деревне, ложилась отдохнуть на мягкую землю – от слабости у неё кружилась голова. Не знала Машка, что земля эта – чужие огороды, что за помятую грядку или случайно брошенный, вожделенный взгляд на курицу, полагается собакам в этой местности смертная казнь. В ближайшее время хозяин участка собирался поставить на неё капкан.

С каждым днем становилось всё труднее передвигать лапы, труднее выходить на трассу, внимательно следить за машинами.

Машка медленно ковыляла по дороге, когда перед ней резко затормозила машина и незнакомые люди, с криками, бросились навстречу.

Сейчас возьмут палки и будут бить! Из последних сил, бросилась прятаться. Туда, в огород, где всегда любила отдыхать... Тяжело дыша, лежала в траве. И чувствовала: из-за забора за ней следят. Те, из машин...

После полумрака церкви, октябрьское солнце показалось девушкам особенно ярким, небо – сверкающе синим, а настроение умиротворенным.

И случилось ЧУДО:

Анна достала из кармана телефон, выключенный на время службы. Сразу раздался звонок. Незнакомый голос взволнованно сообщил:

– Мы волонтеры из Одессы. Нашли Машку!

Все приметы сошлись! Лежит в огороде, одичала, людей боится. Опасаемся, убежит. Поймать без вас не сумеем!

Спустя полчаса Аня, Света и Леша были в селе Кумари.

Оказалось, Машка успела удрать. Схватила косточку, которой попытались её приманить, умчалась. Бегает по селу, мечется... Надо рассредоточиться и ждать у магазина, на трассе, в деревне. Анна заметила группу подростков, достала фотографию Машки, подъехала:

– Ребята, видели такую собаку?

– Конечно, она здесь уже несколько дней бегает.

– Тысячу гривен тому, кто поймает!

Кто на мотороллер, кто на велосипед вскочил – все бросились искать Машку! Аню окружили местные жители. Интересовались, разглядывали фотографию:

– Да, собака здесь обитает почти неделю, с тех пор как её из автобуса выбросили.

– Смотрите! Вон она, у магазина!

Света в коляске подалась навстречу. Вдалеке, в слепящих лучах солнца, по обочине дороги двигалась чья-то тень... Машка? Или собачий скелет?

– Света! Только не кричи, руками не маши, плавно, не спугни...

– Маша! – тихо позвала Света, Собака подняла голову.

– Машка!

Холеная, пушистая домашняя любимица превратилась в

призрак. Лишь обрывок поводка и намордник подтверждали – это действительно была Маша...

– Машенька, девочка! Машка! – повторила Света.

И собака бросилась навстречу! Со всех лап! На руки любимой хозяйки! Скулила, кричала во весь голос, жаловалась, плакала, рассказывала...

Посреди дороги, в пыли обнимались двое – Света и верная подруга Машка... А вокруг стояли, плакали люди. И были это слезы радости и счастья.

P.S.

Говорят, духовная мысль – материальна. И, если страстно желать, со временем желаемое обязательно осуществится. История «просто собаки» нашла отклик в сердцах людей из самых разных уголков Земли, показала как много добрых, неравнодушных, сопереживающих. Быть может, именно их всеобщий духовный посыл привел к счастливому окончанию драмы.

– Машка нашлась! – радостная весть облетела интернет, к восторгу всех, кто следил за событиями, сочувствовал, переживал, молился.

– Украинцы! Одесситы! Вы настоящие люди! Спасибо вам! Низкий поклон! – благодарили Света и Аня.

– Машка нашлась! – плакали от счастья люди в России, Украине, Канаде, Англии, США – люди разных национальностей, вероисповеданий, традиций, объединенных одним

– страстным желанием торжества справедливости, добра и любви...

А может быть, когда добрые люди всей планеты, забыв про манипуляции политиков человеческим сознанием, духовно объединятся, возможна и победа истинной гуманности над ЗЛОМ? И тогда не нужны будут границы, войны и различные вероисповедания?

Ибо мы – ЗЕМЛЯНЕ! и

«Есть только одна раса – раса человечества,

Есть только один язык – язык сердца,

Есть только одна религия – религия любви.

Есть только один Бог, и Он вездесущ.»

(Мать Тереза).

№ 6

Дорога в никуда. Исповедь волонтера

«Хочешь знать, почему я стал волонтером?» – спросил у меня Александр, когда мы выгуливали наших приютских собак. Рядом с ним медленно ковылял на трёх лапах алабай. Старому добродушному великану «веселый» мальчик в Новогоднюю ночь бросил под ноги петарду. Лапу ампутировали и, после длительного лечения в стационаре, алабая поместили в приют. Теперь Александр постоянно ухаживал за инвалидом.

– Наверное, у каждого человека есть свой «скелет в шкафу», вот и у меня есть такой...

Расскажу тебе историю, которая произошла со мной три года назад. Был я молодым, преуспевающим хирургом. Коллеги меня уважали, материально хорошо был обеспечен: машина, дача, заграничные командировки, красавицы мечтали выйти за меня замуж. Но случилось так, что собственное малодушие, предательство перевернуло жизнь и все мои представления о традиционных человеческих ценностях.

Тем летом мои соседи по даче завели элитного щенка алабая. Симпатичный круглый малыш на крепких лапках постоянно запутывался в тяжелой длинной цепи, которой его

пристегнули к будке. На мой вопрос – зачем на цепь, ведь он ещё маленький, бегать, играть, резвиться должен, ответили – злее будет...

Увидел этого малыша и сердце защемило, потому как знал: в предыдущее лето соседи уже заводили собаку, а уезжая в город на зиму, бросили в поселке, обрекли на мучительную голодную и холодную смерть...

Неужели и с этим очаровательным колобком будет то же самое? Хотя тревога за судьбу малыша и появлялось, я тут же её сознательно подавлял – мне что, больше всех надо? Это ИХ проблемы. Вряд ли люди бросят животное, за которое заплатили немалую сумму. В ту пору я относился к собакам довольно равнодушно.

Быстро пролетело жаркое лето, неотвратимо надвигалась дождливая и холодная осень, а вместе с ней – окончание дачного сезона. Щенок – неуклюжий колобок, похожий на плюшевого медвежонка, превратился в высокого крепыша подростка. Хозяева своего добились: алабай вырос злобным, постоянно раздраженным и агрессивным. Последний раз я его видел в конце октября, а когда спустя месяц приехал на дачу, с ужасом обнаружил – мои самые худшие подозрения подтвердились. В очередной раз, соседи бросили беспомощное животное умирать на дачном участке!

За месяц моего отсутствия крепыш превратился в ходячий скелет, на котором клочьями висела грязная шкура. Жизнь в нём держалась только за счет пищевых отходов,

которые швыряли за забор немногочисленные жалостливые дачники. Но, сидевший на цепи пёс, не всегда мог дотянуться и до брошенного куска, что приводило его в гнев и отчаяние, как будто люди изощренно издевались над ним – несчастным существом, умирающим с голода. Миска для воды пустовала... Никто не решался перебраться через забор, чтобы наполнить её водой и поставить под носом у такого свирепого зверя. Пёс отчаянно лаял, выл, скулил. Мой отдых на даче превратился в моральную и физическую пытку. Наконец, я больше не смог терпеть: сварил большую кастрюлю супа, нарезал колбасу и отправился в «пасть к зверю».

Пёс со страшным рыком бросился в мою сторону. Я поставил суп на досягаемое для собаки расстояние и едва успел отскочить в сторону. Ароматный запах тут же увлёк изголодавшегося дачного узника, он жадно набросился на еду, а потом долго, тщательно вылизывал кастрюльку. Моё возвращение через забор на свой участок сопровождалось его внимательным молчанием.

Впервые за вечер, я не услышал воя. Сытый, он спокойно спал всю ночь. На следующий день я опять преодолел забор и накормил пса. На этот раз, он встретил меня приветственно – помахал хвостом. В понедельник была срочная операция в клинике, но вечером, несмотря на страшную усталость, вернулся на дачу: там меня ожидало несчастное существо, жизнь которого теперь целиком и полностью зависела только от меня. Почему я взял на себя ответственность за него

– не знаю... но я не мог иначе! Каждый день приезжал, кормил, поил, и наступил день, когда свирепый пёс позволил себя погладить! Ласка окончательно покорила сердце собаки. За всю восьмимесячную жизнь, бедного малыша никто ни разу не приласкал! Тогда я и отстегнул карабин с цепью от ошейника, чтобы он свободно мог передвигаться по участку. Постепенно пёс настолько привык ко мне, что даже издали чувствовал моё появление в посёлке. Радость выливалась в залихватский лай. Он радостно бросался ко мне лапами на грудь, целовал в нос – передо мной с восторгом прыгало и виляло хвостом оттаявшее большое чудо: агрессивный, нервный пёс превратился в веселого, жизнерадостного собачьего подростка! Он даже научился играть: бегать за брошенной палочкой, в футбол – за мячом. Радовался яркому солнцу, чистому снегу, который увидел впервые в жизни. И ОН ПОЛЮБИЛ МЕНЯ... ПОВЕРИЛ, ЧТО Я ЕГО НЕ БРОШУ! Мой большой Мишка, Мишутка...

Так прошло два месяца – самое счастливое время в жизни бедного пса. После Нового года пришлось уехать мне в командировку за границу. Оставил моему подопечному еду, попросил сторожа во время отсутствия подкармливать Мишеньку.

Вернулся я через две недели. Не успел войти в квартиру, как раздался телефонный звонок – женский голос истерично кричал: «Срочно приезжайте на дачу! ваша собака подкопала забор! бегают по поселку! лает, на людей кидается! если

кого покусает – придется отвечать вам! мы на вас в суд подадим!»

– «Это не моя собака!» – быстро ответил я и бросил трубку. Почему я так смалодушничал?

– «Мне некогда, я устал... у меня завтра сложная операция, я устал... я только что вернулся из тяжелой поездки, я устал...» – отговорки крутились в голове – таким образом, я пытался оправдаться перед самим собой. А утром не выдержал – ещё затемно помчался на дачу.

Около моей калитки в луже замерзшей крови лежал мой четвероногий друг. Именно здесь настигла Мишеньку пуля, когда в очередной раз, одичавший от одиночества и голода, бегал, искал, пугая людей, меня – неожиданно пропавшего любимого человека...

Мертвый, он казался не таким уж и большим, страшным, свирепым. Широкий кожаный нос и толстые лапы подчеркивали какую-то незащищенную детскость и беспомощность угловатого подростка, в его остекленевших глазах застыло удивление: за что с ним так поступили? почему дважды предали люди, которых он так любил.

С тех пор во мне что-то изменилось, надломилось. Первое время даже пить стал. На работе неприятности начались, а меня – предателя, как раскаявшегося преступника, мучила совесть, и преследовали, застывшие в удивлении, глаза моего Мишутки. Из рук валилось всё! Приходил домой, часами тупо глазел в телевизор, даже не понимая, что смотрю... да

и что там можно увидеть? убийства, маньяки, садисты, сума сумасшедшие с бензопилами, вампиры, лихие бандиты, лихие менты... – бред воспаленного человеческого воображения...

Однажды, сквозь дрёму, вижу: двигаются на экране гигантские бездушные треноги, хватают людей, кровь фонтаном брызжет – транслируют фантастический фильм «Война миров» по Уэллсу. Смотрю на все безобразия, что бездушные инопланетяне с людьми в фильме творят и вдруг начинаю четко осознавать: весь этот ужас – ничто иное, как неосознанное отображение взаимоотношений нас, бездушных людей, с животным и растительным миром нашей планеты. Да, да! Это мы, люди, называющие себя «венцами творения», «человеками, звучащими гордо!» ведем многотысячелетнюю кровопролитную «Войну миров» с абсолютно бесправными, благодаря нам, обитателями Земли! Ежедневно, самыми чудовищными способами, безжалостно убиваем миллионы живых существ, ловим, загоняем их в концлагеря: приюты-усыпалки, где уничтожаем «лишних», сдираем шкуры с ещё живых в зверофермах, подвергаем самым изощренным пыткам в научно-исследовательских центрах, отстреливаем ради забавы и удовлетворения своих измененных инстинктов! и свою умопомрачительную жестокость объясняем необходимостью жизнеобеспечения «венцов» природы!!! А потом, весь этот ужас в «высокохудожественных полотнах» примеряем на «несчастненьких» себя – «высокораз-

витых», «гуманных», «созидательных», «невинных» жертв «гадких пришельцев»!

Кто мы на этой Земле? Быть может, просто вредоносный вирус, случайно занесенный на планету и беспощадно истребляющий все её запасы во имя неиссякаемой жажды наживы? и движущая сила нашего технического прогресса всего лишь стремление к созданию всё более совершенного оружия массового уничтожения себе подобных? и, чем выше техническое развитие, тем ниже уровень нашей морали... Тогда это – тупик, пропасть, дорога в никуда, получается, что мы – болезнь, от которой планета должна очень скоро избавиться – просто стряхнуть людей, как надоедливых блох...

Или мы задуманы творцом как существа высшей ступени эволюции? Но, существа, пока ещё заблудшие, не осознавшие своё высокое предназначение земных всемогущих богов – хранителей и пастырей всего сущего на Земле?

И сколько ещё времени должно пройти, чтобы человек, наконец, понял это своё истинное значение? Сколько дорог должен пройти человек, чтобы стать ЧЕЛОВЕКОМ? Что бы на планете воцарились ИСТИННАЯ ГУМАННОСТЬ: всеобъемлющее милосердие, доброта, любовь – то, что действительно сделает мир счастливым для всех?

Александр закурил, потом продолжил: «так я и стал волонтером, дабы для начала испугать свою человеческую вину, и, в первую очередь, перед загубленной душой несчастного моего Мишки...».

Уже прощаясь со мной, добавил, улыбнувшись: «Забираю завтра этого инвалида из приюта, будем вместе жить у меня на даче!».

№ 7

Блажен, кто положит душу за други своя...

– Сдохни, дура юродивая!

Пучок горящей соломы, брошенный в окно, падает на деревянный пол, и вот уже полыхает скамья, рвется пламя к соломенной крыше. Бьется с огнем старица, мечется по деревянной келье. Дым ест глаза, тяжело дышать, загорелось платье...

Но не оставил Бог блаженную – пожар чудом прекратился, монахиня же получила сильнейшие ожоги.

Шесть недель не могла встать с постели и люди забыли о ней.

Лишь ворон ручной приносил в клюве корочки хлеба, ягоды, воду.

Кошки согревали в лихорадке, тесно прижимаясь к босым ступням,

и покой охраняли три собачки – Милка, Розка, да Барбоска...

Евфросиния животных чтила. Повсюду её сопровождали собаки и кошки, голуби садились на плечи, стая галок летела вслед.

Крылатых и четвероногих друзей своих монахиня корми-

ла из собственных рук.

— Почему вы спите рядом с животными, на земле? — удивлялись, навестившие её.

— Я хуже них!

— А зачем столько животных держите? Ужасный воздух, запах...

— Этот запах заменяет духи, которые я слишком много употребляла при дворе, — с улыбкой отвечала она.

Прежде Евфросиния была одной из самых любимых фрейлин Екатерины Второй. Блестяще образованная, умная и очень красивая женщина, княжна Евдокия Вяземская, однажды решила бежать из опостылевшего мира дворцовых сплетен, интриг, чересчур вольных нравов, чтобы принять крест подвижничества. Вместе с двумя подругами инсценировали утопление: бросили на берегу пруда нарядные платья, переоделись в крестьянскую одежду и стали скитаться по монастырям, выполняя там самую тяжелую, грязную работу.

Княжна Евдокия доила коров, чистила хлев, пекла просфоры, трудилась в поле.

Испытав в лишениях стойкость духа, сумев побороть человеческие слабости, обратилась она с просьбой к митрополиту Московскому за благословением на подвиг юродства под вымышленным именем «дуры Евфросинии».

И направил её митрополит в серпуховской Владычный монастырь, где жила она в тесной деревянной избушке-келье,

вместе с животными – кошками, собаками, птицами.

И прославилась добротой, великодушием, милосердием ко всем страждущим.

Всё, созданное Творцом на Земле, имеет душу, память, свое предназначение.

Жизнь каждого создания – бесценна. Ибо всё на планете взаимосвязано: люди, звери, растения – исчезновение одного вида неминуемо приведет к гибели всего мира.

Но человек, созданный, якобы «по образу и подобию Божьему», присвоил себе неограниченное право распоряжаться жизнью других божественных творений. Однажды преступив заповедь «не убий», начал бессмысленно уничтожать все, что ему «мешает жить»: животных, растения, землю, людей, положив, тем самым, начало собственной гибели.

Следовательно, представление о себе, как «подобии Бога», неверно, ибо Бог – Созидатель, человек – разрушитель.

И спасти этот гниущий мир, сможет лишь созидательная любовь ко всему живому.

Ольга остановилась у мусорных баков, прислушалась. Где-то рядом раздавался жалобный писк. Приглядевшись, на куче мусора увидела четырех, дрожащих от холода, щенков.

– Малыши... не более трех недель, глазки ещё голубые... кто ж вас выкинул на мороз?

Женщина взяла щенка в руки и ощутила под пальцами

трепет маленького сердечка.

Испуганные глазки, дрожащее тельце, совсем чистые, атласные подушечки лап и запах сладкого молочка...

Похоже, малыш только что оторвали от материнской груди. Щенки взволнованно зевали, от страха подрагивали кончики ушей.

Ради чего-то столь беспомощные, трепетные создания появились на свет?

Стать объектом неоправданной человеческой ненависти, и, едва родившись, принять мученическую смерть? Сколько их – утопленных, задушенных, истерзанных?

Неужели и этим крохам суждено замерзнуть, так и не узнав солнышка, травки, человеческой любви?

Ольга вдруг ясно поняла: если она пройдет мимо горя несчастных, станет виновной в их гибели.

– Возьму на время, потом пристрою в семьи!

А через неделю соседские ребятишки притащила троих, совсем крохотных котят, они даже есть самостоятельно не умели.

Спустя месяц в подъезде дома истекала кровью маленькая рыжая собачка – на шее глубокая ножевая рана.

Так Ольга встретила свою верную Рыжуху.

И опустевшая квартира, после отъезда замужних дочек, приняла новых жильцов.

С каждым месяцем их становилось больше. Милка, Хвост, Черныш, Верный...

После объявленного правительством дефолта 1998 года, россияне, потерявшие все свои сбережения, работу, внезапно превратившись в нищих, стали массово избавляться от домашних питомцев.

Сколько породистых и метисов, лохматых и короткошерстных, маленьких и больших, было обречено на холодную и голодную смерть, если, конечно, «повезет» им избежать лап живодеров!

Ольга часто слышала вой около своей квартиры – животных стали подкидывать.

Нередко отбирала кошек и щенков у подростков, играющих несчастными в «футбол», находила избитых, с переломанными конечностями, ножевыми ранениями, полуслепых, обмороженных, умирающих от голода...

Горемыки, качаясь от слабости, жадно хватали еду. Согревшись, мгновенно засыпали.

Словно измученные путешественники, побывавшие в горниле Ада, спали по несколько суток, а придя в себя, подозрительно обнюхивали людей, испуганно поджимали хвосты, взвизгивали при виде резко поднятой руки, и отчаянно боялись выходить на улицу, опасаясь лишиться неожиданного пристанища,

Проходили недели, прежде чем окончательно убеждались – они среди добрых людей! И закончились скитания, постоянный ужас перед тем, что начиналось за дверью Ольгиной квартиры.

Каждый из спасенных, уже однажды ощутивших свою ненужность в этом мире, чувствовал безмерную благодарность милосердному человеку. В глазах уже не было страха, а лишь наивная детская доверчивость – ведь собаки никогда не стареют. И с растущим доверием, рождалась любовь... Согретые теплом человеческой души, превращались они в бесконечно преданных, нежных, любящих и удивительно красивых созданий.

Когда же количество спасенных перевалило за десяток, попробовала Ольга найти им новых хозяев, но собаки убежали, возвращались к её дому, уже ставшему родным.

А кому-то из них просто не повезло – новые владельцы оказались людьми нерадивыми, и животные вновь превратились в бродяг.

С тех пор Ольга опасалась пристраивать животных.

Они все – мои. Всё равно, что родных детей отдать чужим людям...

Но содержать всех было тяжело – выгуливала поочередно, небольшими компаниями, средств на корм хватало не всегда.

Морально страдала от постоянной злобы, колких замечаний, дурных реплик и угроз со стороны соседей по дому.

– Убирай своих шавок – нет возможности нормально жить.

– Но вы же сами выбрасывали, калечили, подкидывали к моим дверям! Куда же их убрать?

Убить? Усыпить? Скажите, кого я должна усыпить, кого? Как можно быть столь чудовищно жестокими?

– не уберешь, всех изведем, всех... – шипели за спиной.

В нашем безбожном обществе большая часть людей очерствела душой, беспощадна, немилосердна к окружающему миру, и к тем, кто не приемлет эту жестокость и бесчеловечность, поскольку сама жизнь великодушных, гуманных, сострадающих, доказывает бессмысленность, убогость и никчемность существования бездуховного большинства.

И мстят людишки с грязной душой, жестоко мучая, уничтожая беззащитных и бесправных животных, чтобы доставить как можно больше душевных страданий их защитникам.

Когда по всей России разнеслась молва о праведнице Евфросинии, её доброте, прозорливости, целительских способностях, повелела игуменья серпуховского Владычского монастыря, убить всех собак блаженной, дабы больше ранить душу почитаемой всеми «дурочки», земной славе которой, лютю завидовала.

– Слишком много грязи от её животных!

И плакала старица: – Собак убили – лучше б меня...

Не смогла оставаться более при монастыре – отправилась она странствовать пешком по полям и лесам Тульской губернии. И везде, где останавливалась, лечила людей, под-

бирала бездомных собак и кошек, выхаживала.

Помещица Протопопова, в благодарность за исцеление, построила в имении своем недалеко от Алексина светлую горницу для старицы. Мягкой мебелью обустроила, деревья и цветы посадила вокруг.

Но блаженная поселила в хоромы своих друзей – собак да кошек, индеек, кур да цыплят, и жили они в полном согласии друг с другом. Сама же ютилась в маленькой, убогой каморке.

Каждый раз, собираясь с собаками на прогулку, Ольга чувствовала тревогу, сердцебиение, дрожали руки.

Постоянное, унижительное чувство страха стало причиной бессонницы.

Уехать бы из душного, суетливого города, покинуть «каменные джунгли» городского Ада!

На свободу, где свежий воздух, в бескрайние поля, леса! Дышать полной грудью, валяться в душистой траве, купаться в озере, греться на солнышке! Обрести успокоение, чтобы душа, наконец, смогла расправить крылья.

– Мой внук астмой заболел из-за собак твоих! умирает! – визг соседа прервал Ольгины грезы.

– В суд подаю! И добыюсь – собак твоих усыпят!

Суд состоялся – телевизионный...

И Ольга его выиграла: выяснилось, что «умирающему ребёнку», было 25 лет и он попросту «косил» от армии.

Конечно, содержать такое количество животных в городской квартире, уже было нельзя, но и выпустить на улицу, где их отловят, убьют, сдадут на опыты, не могла.

Муниципальных приютов же в ту пору не было.

Дочери предложили помощь в покупке дома за городом.

Подальше от «людей», в глуши! Где животные будут свободно гулять по участку!

И вот, наконец, долгожданная покупка домика с участком в 40 соток!

Заброшенная деревня Игумново, Тульской области, где живут лишь несколько старух, да пара алкоголиков, находится в 160 километрах от Москвы.

Не страшно, что нет водопровода, отопления, газа. Колодец в километре от дома – воду всегда принесем, есть электричество – кашу сварим. Зато гуляем по своей земле и весенний воздух наполняет легкие, и голова кружится от восторга!

С продуктами – проблема: передвижная продовольственная лавка работает только летом, а зимой не всегда и на тракторе до деревни доберешься.

Крупы и консервы привозил муж Вадим из Москвы.

Летом, когда Ольга появилась в лавке, её встретило грозное молчание местных старух.

Она давно заметила – с ней не общаются. Поджимают губы, смотрят с осуждением.

– Ишь, прикатила! Москвичка! Тут наша земля! Приш-

лые – не нужны! – зашипели бабки – Людям жрать нечего, а она собак кормит!

Ольга вдруг физически ощутила тяжелую человеческую злобу, и невозможно стало дышать:

она и здесь – не как все...

– Участковый сказал – вам продукты не продавать – собакам скормите, – торжественно объявила продавщица, – Ехайте в свою Москву – там покупайте!

– Да, я приказал! Я здесь власть и хозяин! – в лавке появился Вадим Родионов – хамоватый и наглый местный участковый.

– И собак твоих перестреляю! Так что, лучше убирайся, пока жива!

– Вот, и правильно! А мы ещё и красного петуха пустим! – ржали алкоголики.

Ольга молча покинула лавку. Да и что она могла ответить?

Напомнить Писание: «Блажен, иже и скоты милует»? Православных подвижников, предпочитавших зверя накормить, нежели самому поесть?

Рассказать, как болит душа человеческая за все живое вокруг? За утопленного котенка, избитого, замученного щенка, бессмысленно срубленное дерево, загаженный мусором лес...

Разве поймут её те, кто милосердие возводит в разряд преступлений?

Вольеры для животных строить не стали: страшно селить

собак на участке, где в любой момент их могли застрелить, отравить, поджечь.

Жили все вместе в доме, и каждый день встречали, как последний...

Вскоре Вадим потерял работу – практически, не на что стало существовать.

И теперь, часто уезжал в Москву, в поисках любого заработка.

Из столицы привозил только хлеб, и Ольга делила его на равные части для всех животных.

Когда же удавалось достать крупы, круглые сутки варила кашу.

Ни о каких гуляниях в лесу, купании в озере, речь уже и не шла.

Одно было счастье – животные и их любовь.

Экономили на всем, даже дровах. И когда закружили метели, ударили морозы, согревали кошки и собаки замерзающую хозяйку не только своим душевным теплом.

– Может уехать оттуда? – волновались родные.

– В Москву? Опять скандалы начнутся. Не поеду никуда.

Придут убивать – погибну вместе с ними, сгорят – и я с ними, в огонь. Не брошу их никогда.

А ещё, повадились алкаши.

– Ты собак на мясо откармливаешь, в ресторан продаешь? – дышал перегаром в лицо и ухмылялся местный урка. – Денег, наверное, уйма!

Вот, заberi шавку! – и вытащил из мешка крохотного щеночка.

– Дашь на бутылку – не убью его, не дашь – голову об дерево размозжу!

И Ольга отдавала последнее, что у неё было, и даже кольцо обручальное...

То, что случилось дальше, известно лишь со слов свидетелей трагедии.

13 февраля 2001 года соседи увидели, как из-под крыши домашнего приюта Клягиных валит дым. И мечется Ольга в дыму, собак выносит.

Выбегает из дома, кашляя, с собаками на руках, под ногами, вышвыривает их подальше в снег. И снова в горящий огонь, чтобы успеть спасти ещё кого-то.

– Брось своих шавок, погибнешь! – кричали ей.

Но Ольга вновь нырнула в дом, за животными...

И раздался хлопок, вышибло окно пламенем, рухнул дом, погреб под собой Ольгу, тридцать собак, десяток кошек и двух котят.

Двадцать собак все же удалось ей спасти. Так они и сидели на пепелище растерянно до приезда участкового Родионова.

Тогда-то он и убил первую – Рыжуху, защищавшую останки хозяйки...

Спустя два дня вернулся из Москвы Вадим – ему сообщили о трагедии через третьих лиц. Долго потерянно бродил по участку.

Не смог он тогда увезти всех, спасенных женой, животных. Забрал малую часть, остальных запер в уцелевшем сарае.

– Присмотрите за ними, пожалуйста, – попросил соседей, – договорюсь с машиной, приеду через пару дней.

Но спасти их от местных живодеров не успел – опоздал на два часа.

Когда несколько собак, убежавших во время пожара, вернулись на пепелище, местные алкоголики злобно кривились:

– Оказывается, не все твари сдохли! – И жажда крови переполняла упырей.

Ведь даже в трагической гибели, Ольга превзошла их своим жертвенным подвигом.

18 февраля, Родионов, собрав из соседних деревень охотников, устроил на участке Клягиных кровавую бойню.

Обложив собак, словно лютых хищников, десяток здоровых мужиков методично расстреливали, мечущихся в ужасе, пуделей, болонок и щенков. Били прицельно – в голову. Убить же запертых в сарае, и вовсе не составило труда.

Так погибли Милка, Хвост, Черныш, Верный, спасенные Ольгой дважды – от голодной смерти в столице и на пожаре в деревенской глуши...

Расследования дела не состоялось. Официальной причиной пожара была названа неисправность электропроводки.

Останки жены Родионов выдал Вадиму в картонной коробке и прах Ольги Клягиной был захоронен на Митинском

кладбище в Москве. Ей было 49 лет.

«Блажен. Кто положит душу за други своя.»

Православная подвижница Евфросиния была канонизирована в 1988 году, спустя сто тридцать лет после смерти, как местночтимая святая Тульской епархии в лике блаженных.

Имя Ольги Клягиной почти забыто, хотя прошло с тех пор всего четырнадцать лет...

№ 8

В поисках утраченной души

*«Если сдохнет от голода пес у ворот – это знак,
что страна, как собака, умрет».*

Уильям Блейк

Когда-то в древние века самим Творцом на помощь к нам был послан ангел.

Людей хранить и защищать, учить добру, не предавать, быть спутником во всех скитаниях, не дать душе забыть про Бога...

Четыре лапы, хвост и мокрый нос, восторг любви в глазах и преданность собачья.

Он бежал впереди, разгоняя злых духов; согревал в стужу, вытаскивал из проруби и огня, лечил, был сторожем, поводом, нянькой...

Он видел человеческую ауру, понимал мысли, предупредил громким лаем – берегись, хозяин! перед тобой враг!

Древние люди чтили и обожествляли лохматых друзей – за убийство собаки, кошки полагалась смертная казнь.

Прошли века – изменился человек. Поправ законы Бога, стал поклоняться «золотому тельцу».

«И царит во всей вселенной тот кумир – телец золотой!»

Жадность и ненависть движут современным миром: люди

уничтожают друг друга, животных, растения, океаны...

Любовь и дружба предаются во имя обогащения. Ангелы здесь больше не нужны.

Высокоцитимых ранее, собак и кошек лишили всяческих прав.

«Гуманно» уничтожают «лишних», проводят чудовищные опыты, жестоко издеваются, травят, сжигают живьем...

Изменились человеческие ценности, но не стали другими собаки. Нет на Земле другого, такого же любящего, преданного, неподкупного существа. И, даже если хозяин относиться к собаке плохо – издевается, бьет, не кормит – никогда не выразит она недовольства, никогда, по собственной воле, не оставит, никогда не предаст. Лишь глубокая грусть в глазах собачьих выразит боль и страдание по утраченной душе человеческой.

Однажды добрый человек подобрал на улице умирающего щенка. Принес домой, отогрел, накормил. И стал жить малыш в небогатой, но счастливой семье – мать, отец, маленький сын...

Не беда, что нет дорогой техники в доме, нет роскошного автомобиля!

Есть верный друг – мохнатые лапы, любопытный нос и море любви!

По вечерам всей семьей выходили на прогулку. С восторгом бегали наперегонки щенок и мальчик, кувыркались в траве, их шутливая возня заканчивалась нежными объятиями.

ми.

Постепенно очаровательный малыш превратился в роскошного, лохматого гиганта, весёлого, дружелюбного, преданного.

Но любовь и счастье в семье вызывали зависть у жадных, завистливых, несчастливых...

– Ишь, тварь блохастую завели! лучше бы ребёнку штаны лишние купили!

– Ишь, кости покупают, а ребёнок худой – не кормят! – змеями шипели вслед.

Беда пришла неожиданно – умер хозяин во сне.

И закатилось счастье, осиротела семья, потеряла кормильца. Трудно стало жить.

Сын же, подросток, на девушек заглядываться начал. Но дразнили его в школе за немодный – «голимый прикид», смеялись. Захотелось парню стать «крутым»: джинсы подороже нацепить, телефон «покруче» купить – уважение завоевать у сверстников.

– Что ж ты в драных штанах, да стоптанных кроссовках? Мама купить не может? А кормить дармоеда паршивого может? – шипела змея-искусительница...

– А ведь, правда! На мои «бабки» собаку кормит! – горько вдруг обиделся парень на мать.

– Избавься от собаки! От меня кусок отрываешь – все так говорят!

– Но ведь это друг наш, сынок, член семьи... папа его

очень любил, и ты тоже! Как можно было всё забыть? – протестовала мать.

Не слышал её сын, затуманило сознание – Я, МНЕ, МОЁ!

И проводил время юный лоботряс в тщательных подсчетах – сколько костей купила мать, сколько крупы...

А когда не дала денег на новенький айфон, возненавидел её и собаку.

Житья от него не стало – то животное ногой ударит, то матери скандал устроит...

Рыдает в подушку женщина, жметя к ней пёс, заглядывает в глаза – что не так, хозяин?

Безответность жертв, превратила парня в домашнего деспота. А спустя два года, окрепший, с накачанными мышцами, вернулся он домой после «дембеля» отпетым негодяем.

После шумной вечеринки, под высоким «градусом», ворвался в квартиру, избил собаку, ударил мать – убирайтесь из дома, паразиты!

Остаток ночи провела женщина на скамейке, страдая от холода, и лишь верный пёс пытался её согреть. Не выдержало позора сердце матери – к утру она окоченела.

И, некогда любимый, домашний пёс превратился в бездомного бродягу.

За несколько месяцев скитаний пришлось несчастному познать побои, холод, голод...

Но не мог он покинуть родной двор. Радостно встречал парня на улице, скулил от счастья, бежал рядом, восторжен-

но заглядывая в глаза: как ты, хозяин, любимый? я здесь, рядом! можешь на меня рассчитывать!

Но в ответ лишь пинки да вопли – «Убирайся! Проклятый!»

Ни ласки, ни тепла, ни кусочка хлеба.

От холеного когда-то животного остались кожа да кости. Но даже жестокие морозы не заставили собаку искать другое, теплое местечко – не мог он оставить «хозяина в беде»! Сутками, голодный, просиживал у подъезда, надеясь на краткий миг свидания с дорогим человеком.

Его пыталась приласкать и накормить старенькая сердобольная бабушка, но, жители дома, недовольные присутствием во дворе бесприютной собаки, дружно набросились на неё:

– Не кормите бездомных! Не разводите стай!

Однажды, промозгой осенью, когда, пытаясь согреться, пёс свернулся клубком на газонной травке, выплеснули «добрые люди» на несчастного кастрюлю с кипятком...

Долго болел пёс. Шкура полезла клочьями, оголенная кожа покрылась язвами, гноилась. Вид изуродованной собаки был ужасен, его отовсюду гнали, дети закидывали камнями, палками, петардами. Никто из людей не помог несчастному животному, не пожалел.

Лишь маленькая девочка, жившая на первом этаже, постоянно плакала, и, глядя в окно, показывала родителям пальцем на сидевшего во дворе горемыку.

Странной была эта девочка. Замкнутая и нелюдимая, она почти не реагировала на окружающий мир. Её душевное состояние врачи определяли как аутизм и советовали родителям оберегать от любого стресса.

– Забери домой своего пса! Дочка его боится! – просили родители парня.

– Не нужен мне дармоед! Я на завтра отлов вызвал! – ответил «хозяин».

Поздно ночью подгулявший парень возвращался домой. Не заметил, что преследуют его двое. Наверное, должен был стать этот день для него последним, но огромный, взъерошенный пёс со страшным рыком бросился на злодеев, крепко вцепился в занесенную над хозяином руку с ножом. Убежал парень, спрятался в квартире, а верный друг, только что спасший ему жизнь, остался лежать на земле, с глубокой ножевой раной под ребром – слишком ослаб он от голода, чтобы справиться с двумя грабителями.

С каждой каплей сочившейся на землю крови, уходила из него жизнь, и, глядя в чистое, звездное небо, он с облегчением ждал, когда покинет душа измученное тело. Пёс выполнил свое предназначение, и никому больше в этом жестоком мире был не нужен.

И только тревога за судьбу хозяина – того маленького мальчика, который когда-то нежно обнимал его в густой траве, заставляла с тоской сжиматься его преданное сердце. Эта тревога вынуждала пса цепляться за жизнь.

И когда ранним утром приехал, вызванный накануне, отлов, пёс был в сознании, но двигаться уже не мог. Он чувствовал, как его погрузили в специальный фургон, наполненный телами других несчастных животных, долго везли за город, как полуживого бросили в бетонную яму скотомогильника.

– Можешь больше не бояться! – глядя вслед удалявшемуся фургону, успокоил отец дочку. – Это чудовище, наконец-то, убрали со двора!

– Она умерла? – по щекам малышки текли слёзы, ей явно было жаль собаку.

– Не плачь! Ведь у животных нет души! Одни рефлексы... Забившись в самый темный угол комнаты, глядя перед собой широко открытыми, полными ужаса, глазами, малышка тихо шептала:

– Папа, я не боюсь собак, я людей боюсь! я боюсь людей, не собак!

Но уже сейчас она ясно осознавала, что никогда не поймут родители её неприятия реальности. Не поймут, что «в смерти самой ничтожной твари есть что-то невыносимое, и если она не побеждена в том, кого затрагивает, значит, мир не имеет никакого оправдания, его невозможно принять»...

А в яме скотомогильника в это время мучительно умирал раненый пёс, задыхаясь от смрада гниющих тел собак и кошек... И за смертью каждого из этих животных стояла великая трагедия человеческого предательства.

№ 9

Переживший смерть

«Если невозможно получить какие-либо знания, не мучая собаку, необходимо обойтись без этих знаний.»

Джордж Бернард Шоу

Был канун Нового Года. В воздухе витало ожидание волшебного, таинственного праздника, когда, кажется, что жизнь обязательно изменится к лучшему, и в дом придет покой, уют, сказочное счастье.

Из открытых форточек неслись ароматы новогодних блюд, пахло хвоей, свежим снегом, апельсинами...

Джим – годовалый пёс, с черной, гладкой, бархатистой шкуркой, внешне напоминавший добермана, тщательно обнюхивал пакеты с новогодними подарками.

Ну, конечно, здесь и для него приготовлен сюрприз – аппетитная косточка из прессованной бычьей жилы! Осторожно подкрался котенок Троша, потянул когтями целлофан: – а мне что?

– Ребятки! Подарки – позже! А сейчас гулять!

На собачьей площадке уже резвились Булька – щенок бульдога, и Алиса – карликовый пудель – тайная любовь Джима. Ради этой франтоватой, белоснежной красавицы,

Джим готов был сразиться со всеми мыслимыми и немыслимыми врагами: львом, крокодилом, огромной, почти «саблезубой» собакой, однажды напугавшей любимую...

– Не бойся, я всегда буду рядом, – обещал ей тогда Джим.

Как же здорово носиться по сугробам, когда свежий воздух наполняет легкие; кувыркаться в снегу, физически ощущая свою молодость, здоровье, и счастье – потому что есть любимые, дом, где ждут его вкусная кашка, творожок и косточка...

... Ррр, а не добрался уж до этой косточки котенок Трошка?

Джим подбежал к хозяйке – пойдём домой, скорее!

У подъезда тусовалась группа подростков – гогот, вопли, мат. Очевидно, малолетки уже «согрелись» пивом, одурели от спайсов. Увидев пожилую женщину с Джимом, один из них пошатнулся, взмахнул рукой...

И перед носом собаки что-то взорвалось, вздрогнула земля... Свист, грохот, цветковые всполохи, хохот, улюлюканье...

Джим на секунду ослеп, оглох, и, в ужасе, вывернувшись из ошейника, бросился наутек...

Он бежал сломя голову, пулей, не разбирая дороги, через незнакомые дворы – натыкался на стены, задевал чьи-то колени, метался по проезжей части – визжали тормоза машин...

Заскочив в незнакомый подъезд, забился под лестницу, в

темный угол; долго, тяжело дыша и содрогаясь всем телом, боялся высунуть оттуда нос.

Ночь была шумной: двери подъезда оглушительно хлопали – люди входили, выходили, кричали, смеялись, ругались.

И снова – взрывы, свист, крики... Джим не выдержал. в панике от грохота петард, бросился вон из подъезда под сверкающее разноцветными кометами небо...

А в это время, по окрестным дворам, в поисках пропавших собак, металась хозяйка Джима и Алисы, вырвавшейся из рук, вместе с поводком, чтобы догнать испуганного друга. Разве могла она расстаться с ним, спасшим её когда-то от бойцовского пса? И сейчас, маленькая, беззащитная, беспомощная Аля находилась неизвестно где...

Несколько дней пёс бродил по городу, в надежде найти дорогу домой. Мучительно хотелось есть...

Но, ещё мучительнее было желание поскорее увидеть родных, уткнуться мордой в любимые колени, поплакать, пожаловаться, а потом лечь на коврик в обнимку с Трошкой, рядом с креслом у телевизора, и дремать, ощущая покой, уют, безопасность...

Но поиски дома были безуспешными...

– Эй, Дружок, жрать, наверное, хочешь? – незнакомец вытащил из кармана замусоленную сосиску...

Хотя Джиму постоянно втолковывали: нельзя брать угощение у чужих, не смог он совладать с желанием утолить голод. Подошел, осторожно взял угощение, и тут же почув-

ствовал – незнакомец крепко вцепился руками в холку...

– Попался!

Джим взвизгнул, попытался вывернуться, но человек навалился всей тяжестью, прижал к земле, ловко обмотал морду и лапы собаки скотчем, а затем, взяв за шкуру, бросил в багажник машины...

Автомобиль остановился у обшарпанных, деревянных ворот.

– Привез! В Новый год много собак убегает – петард боятся. Так что задачка оказалась легкой! Зачет, считай, получен, как препод нам обещал. Принимай новенького!

Место хорошо было знакомо Джиму. Сколько раз приезжали сюда на машине, к врачу, когда лечили его бесконечный понос, и хозяйева плакали...

Проходя мимо этих ворот, всегда слышали жутко тоскливый, отчаянный вой собак – и тогда шерсть Джима от ужаса вставала дыбом.

Отсюда пёс смог бы легко вернуться домой – дорогу хорошо помнил, но, незнакомцы напялили на его шею старый, замызганный ошейник, потащили во двор.

В нос ударил зловонный запах кала, мочи, крови, протухшей пищи...

– Хорош! Сильный, молодой – сгодится! На праздники в карантине посидит, потом в работу – куда доктор скажет... – мужчина в темно – зелёном халате отвел Джима в дом, напоминавший каменный сарай, где на коротких цепях, в моче и

испражнениях сидели несчастные, испуганные, худые собаки. Даже лаять, при виде новичка, у многих не было сил.

– Сидеть будешь здесь!

Всего лишь пару шагов Джим мог сделать на цепи, чтобы дотянуться до грязной миски со следами засохшей темной массы, видимо, бывшей когда-то кашей...

Железная дверь захлопнулась, загремел тяжелый засов – в боксе стало темно, и пёс завыл в отчаянии: вряд ли он увидит теперь родных...

Джим плакал, рыдал и лаял всю ночь. Лишь под утро, измученный, с трудом свернувшись на сухом кусочке пола, беспокойно задремал.

А когда услышал сквозь сон голоса хозяев, зовущие его по имени, резко вскочил, залаял в ответ, но вскоре понял – его не слышат.

В тот день никто не пришел кормить животных, никто не дал воды. Некому было позаботиться в праздники о несчастных узниках вивария – люди отдыхали, веселились.

Животные голодали уже не первые сутки, некоторые обессилили настолько, что лежали на полу без движения, в куче экскрементов.

Лишь спустя пару дней, загромыхала железная дверь, и в боксы притащили новеньких: старого, облезлого, рыжего пса, и маленькую, испуганную собачонку с распухшей, вывихнутой лапой. Шерсть её была серой и грязной, а запах – словно выкупалась в помойке, но Джим сразу узнал в

несчастном существе свою любимую – изящную, и когда-то белоснежную Алису...

– Мы снова вместе! – он радостно залаял, потянулся, виляя хвостом.

– Хочу домой, – заплакала малышка, поджимая больную лапку.

– Отсюда только на тот свет, когда придет к нам Ангел смерти! – чуть слышно проворчал старый пёс.

– Вы о чем? – испугалась собачка.

Но рыжий свернулся калачиком на грязном полу, прикрыл глаза и задремал.

Соседство с подругой немного успокоило Джима – где нам не пропадать...

Несколько дней прошло в мучительной тоске. Голод и жажда были невыносимы, как и неизвестность – зачем они здесь? что дальше? где хозяйева?

Откуда было знать, что вынесен им смертный приговор; что в человеческом мире животные не имеют ценности, и люди присвоили себе право распоряжаться жизнями всех божьих тварей на Земле.

Откуда было знать, что нет больше у них имен, а только идентификационные номера, как одноразового «расходного материала», и кормить их надо лишь для того, чтобы не умерли до опытов.

За неделю пищу животным дали дважды. Миски с вонючей бурой тут же были молниеносно вылизаны узниками до

зеркального блеска.

Алиса есть не стала – безучастная ко всему происходящему, она всё больше лежала, измученная лихорадкой. Джим изо всех сил тянулся к подруге, желая ободрить, зализать рану на её маленькой лапке, согреть своим телом, но цепь не позволяла сделать это...

Ранним утром заскрипела ржавая дверь, вошло несколько человек.

– Вот он – ангел смерти! Доктор Менгеле! – животные в ужасе вжались в пол.

– Ну и грязь! – посетовал высокий шатен в белом халате, – придется переодеваться перед лекцией – одежда мгновенно провоняла.

– Так канализации же нет, а водой поливать – застынет: мороз на дворе.

– Трупы хотя бы убрали? Или пьянствовали все праздники? Его колкий взгляд сверлил новеньких.

– А вот и старый знакомый! – он улыбнулся, подошел к рыжему. – Как ты, подлец, сумел сбежать?

В ответ пёс угрожающе заворчал.

– Не люблю работать с дикарями! Не сравнить с домашними – доверчивыми, послушными...

И, потеряв интерес к старому псу, стал разглядывать Джима:

– Этот, говорите, горластый? Лаает много? Так мы тебе, дружок, гавкать больше не дадим!

– Кормить не надо! – остановил он женщину с кастрюлей каши, – сегодня в работу пойдут новенькие! – и, развернувшись, быстрым шагом покинул виварий вместе со свитой.

Алису увели первой. Малышка визжала и плакала, пока её тащили к выходу, чувствовала: что-то ужасное ждет её там, за порогом бокса. Джим ободряюще твякнул – не бойся, я рядом, всегда!

А когда дверь захлопнулась, рвался на цепи, выл громко, отчаянно и безнадежно, понял: свою подругу больше не увидит.

Алису отвели в операционную. Вокруг стола столпились студенты – в тот день они наблюдали, как живые существа умирают от потери крови. И наглядным примером тому стала смерть маленькой, беззащитной, и глубоко любимой кем-то Алисы.

С её ещё теплого тельца сняли когда-то белоснежную шкурку – будущие врачи должны знать, как работают мышцы.

Не выдержав жуткого зрелища, Анна – студентка первого курса, бросилась вон из операционной. В туалете её рвало, а потом она долго рыдала – зачем? Ради чего им сейчас продемонстрировали столь чудовищную жестокость? Понятно, откуда это прозвище у профессора – Доктор Менгеле...

– Хватит плакать, – прибежала подружка, – опыты нужны для науки, ради здоровья и блага человека.

– Но, разве можно создавать добро, через зло? Чем мы

лучше фашистов?

– Фашисты экспериментировали над людьми, мы – над животными. У них нет души, в этом разница.

– Ты уверена? Животные также как и мы чувствуют боль и страдание, у них есть память, сознание, они любят, хотят быть любимыми, хотят жить, наконец!

– Даже если так... В городе приюта нет. Только усыпалка – пять дней содержания и эвтаназия. А здесь, хотя бы науке послужат, и поживут чуток...

– Разве можно жить с постоянной, непрекращающейся болью? Разрежут – зашьют, если не умрут от шока, снова разрежут... и так до самой смерти... Если не умрут сами, усыпят...

Разве не милосерднее было бы оставить несчастным жизнь в благодарность за мучения, и вклад в науку? А им даже обезболивающие уколы после операций не положены.

– Кстати, профессор разрешил купить болеутоляющие на собственные средства, и колоть по своему усмотрению. Идем, пора на лекции...

– Существует несколько способов избавления от назойливого лая: прижигание голосовых связок, воздействие сверхнизких температур, пересечение, и полное удаление связок.

– И так, вентрикулокордэктомия – ларинготомия через разрез на горле...

Прежде чем приступить к операции, Менгеле сделал инъекцию. Под воздействием миорелаксанта, мышцы Джима пе-

рестали сокращаться. Пёс, хотя и был полностью обездвижен, чувствовал, как вошел скальпель в плоть, как рассекалась кожа, мышцы, связки – всё, что делал с ним истязатель.

А после, оглушенному, и одуревшему от пытки, казалось, что лишили его разума и речи: никогда не сможет он выражать эмоции – лаять, выть, его удел отныне – только хрипеть.

Ближе к вечеру, принесли из операционной рыжего. На выбритом животе – свежий, неровный шов. Что делали студенты с внутренностями несчастного животного – одному лишь Богу известно. Бедняга умер к утру – сердце старой собаки не справилось с невыносимой болью.

Джим был сломлен окончательно: в ужасе дрожал, услышав шаги, не мог без страха видеть человеческие руки. Казалось, он уже и не помнил другую жизнь – без неизбежной пытки.

Пёс исхудал, шкура висела клочьями, его редко кормили. Он не видел ласки, не слышал доброго слова – быть может, работникам вивария просто не хотелось привыкать к кому-то из узников, чтобы каждый раз не переживать их смерть?

Впрочем, приходила молодая девушка, делала укол, и тогда сознание Джима проваливалось в какую-то бездонную яму, словно он покидал на время виварий. Боль отступала, и, придя в сознание, пёс благодарно лизал человеку руки...

Периодически привозили новых узников, готовых пройти все муки Ада. С ними он больше не общался. Большую часть

времени безучастно лежал в грязи, крови и испражнениях, желая стать невидимым. Лишь бы не трогали его больше – ещё одну операцию, он не выдержит, уйдет на Радугу, как и его подруга.

Но Ангел смерти о нем не забывал, и пытки продолжались бесконечно: операционная, инъекция, неспособность сопротивляться при полном сознании, и адская боль...

Зачем его мучают эти люди? почему не придут хозяева? не заберут? не защитят? не спрячут? За что он обречен на бесконечную муку? Зачем опять разрезали живот?

Болевой импульс на этот раз был настолько сильным, что мозг потерял контроль над нервной системой, и Джим провалился в небытие...

– Всё, готов! а казался крепким – я надеялся ещё парочку раз его использовать.

В виварий Джим больше не вернулся. Его неостывшее тело выбросили на свалку, в гору хлама. Утром придет мусоросборник, увезет отходы...

– Джим, – маленькая, беленькая Алиса, так похожая на воздушное облачко, вылизывала его лицо, – ты должен вернуться, и рассказать моим любимым обо мне...

– Но я всего лишь пёс, который раньше умел лаять. Меня лишили речи, как выразить чувства? Как рассказать?

– Спрячься, скорее, чтобы не увидели...

И Джим, преодолевая боль, в полуобморочном состоянии, пополз к воротам – там, за старыми деревянными ящиками

из-под овощей, он дождался утра.

Анна пришла в институт пораньше, чтобы до начала занятий успеть сделать обезболивающие инъекции подопытным животным. Не найдя Джима в боксе, сразу поняла – пёс не выдержал очередного опыта. Сердце сжалось – она успела привыкнуть к этому красивому, терпеливому и безропотному животному, постоянно страдавшему от рук человеческих, но продолжавшему их благодарно лизать, когда её инъекция, хотя бы на время избавляла его от боли.

Анна вышла во двор, закурила. И вдруг, у самых ворот, в предрассветных сумерках заметила черный силуэт собаки. Джим!

Живой! Надо отнести в виварий... Пёс вжался в угол, его глаза были полны тоски и боли.

И вдруг, неожиданно для себя, Анна приоткрыла ворота: – Беги!

Пёс, на полусогнутых лапах, недоверчиво, проскользнул мимо неё на улицу.

– Беги, малыш! Беги! И, если получится, живи! – прошептала Анна ему вслед.

Жалкое, тощее существо, качаясь от слабости, с трудом ковыляло по улице. Безумно болел живот, из шва сочилась кровь. Превозмогая боль, Джим упорно двигался к дому.

Вот и дорога, где он часто гулял с хозяином – гордый, сильный, здоровый. От свежего воздуха кружилась голова, лапы заплетались.

Вот, наконец, и двор, и подъезд... Дверь закрыта. Джим прилег на ступеньках – надо собраться с силами. Осталось совсем немного – проскользнуть в открытую дверь и подняться на четвертый этаж.

Вдруг, прямо на Джима из подъезда выскочило весёлое слюнявое существо – щенок боксера Булька, его обрубок хвостика вертелся от счастья. Вот и его хозяин:

– Фу! Отойди! – закричал он, увидев, что питомец тычет носом в бездыханное тело грязной собаки.

– Она бездомная, больная! Быть может, даже бешеная!

Джим приподнял трясущуюся голову... Его глаза слезились, и человеку показалось – пёс плачет.

– О, господи! Да это же Джим! Что с тобой? Ужас! Подожди секунду!

– Николай Петрович! – набрал он номер по мобильному, – Джим вернулся, бегите скорее...

Поникшая голова собаки лежала на ступеньках подъезда. Он ещё был в сознании, когда почувствовал на себе теплые и ласковые руки любимого человека.

P.S. Каждый год, в мире, около ста миллионов подопытных животных мученически умирают в научно-исследовательских лабораториях. Их морят голодом, пытаются электрическими разрядами, травят газом, химическими соединениями, обжигают, ошпаривают... У них искусственно вызывают тяжелые заболевания – рак, спид, сифилис, диабет... Им удаляют глаза, суставы и хрящи, наносят повреждения моз-

га, ломают кости, расстреливают пластиковыми пулями...

Многие медики ставят под сомнение необходимость в экспериментах над животными. Результаты подобных опытов неправомерно переносить на человека – слишком большая разница в анатомических и физических особенностях, характере метаболических процессов...

Лекарственные препараты, полученные в ходе экспериментов, часто оказываются вредными для человека. Так, например, успокоительное для беременных «талидомид» имело катастрофический «побочный» эффект – рождение десяти тысяч детей с отсутствием конечностей и различными уродствами! И это только один пример...

Сколько еще миллионов животных будут зверски замучены и уничтожены, прежде чем человечество откажется от позорной практики экспериментирования на животных?

«Вивисекция – преступление; человеческая раса должна отречься от этого варварства!» – писал Виктор Гюго, возглавлявший ещё в середине 19 века первое общество противников вивисекции.

Но до сих пор мы живем среди пыток, издевательств, садизма, боли и мук. Большинство из нас стараются огородиться от реальности «зоной комфорта» ради собственного душевного спокойствия, благополучия и призрачного счастья. Призрачного – потому что нельзя быть счастливым за счет страдания невинных существ.

Не прячьтесь... ужас вокруг вас, и он реален.

№ 10

Пёс, который любил смотреть в окно

(история основана на реальных событиях)

Его приход в этот мир ознаменовался слабым щенячьим писком. Шершавый язычок мамы, нежно облизал глазки, ушки, мордочку и он впервые почувствовала вкус теплого грудного молочка. Мама для щенка, как и для всех живых существ на Земле – тепло, нежность, уют и безопасность.

А ещё, возможность после сытного обеда беззаботно спать, уткнувшись носиком в её шерстяной бок, ощущая рядом сопление и причмокивание родных братишек-сестреночек.

И не страшен пронизывающий ветер, проливной дождь, крепкий мороз...

Лохматая, теплая мама не появлялась уже несколько дней. Мучительный голод заставил щенка покинуть теплое убежище под продуктовым киоском.

– Замерз, малыш? Иди сюда, согрею, – руки незнакомца осторожно подхватили плачущего собачьего карапуза, су-

нули за ворот пальто и щенок почувствовал удары человеческого сердца:

– Откуда ты, прекрасное дитя?

От человека пахло табаком и ещё чем-то вкусным – белым хлебом, как узнал позже. Такие крошки мальши находил рядом со скамейкой, в мусоре.

– Где твоя мамка? Бросила? Вряд ли... собаки не бросают свое потомство... наверное, погибла... И теперь тебе – маленькому, беспомощному и одинокому, очень страшно!

– Знаешь, я тоже одинок – мне тоже страшно, – и, прижав щенка к шершавой щеке, предложил:

– Давай вместе бояться?

Каждое утро они гуляли возле дома. Хозяин садился на лавочку, а щенок, с веселым тявканьем, носился за яркими, желто-красными листьями, взлетающими в воздух под напором осеннего ветра. Человек счастливо улыбался – есть с кем перемолвить слово, разделить ужин, скоротать вечерок у телевизора, уютно устроившись в обнимку на диване – мальши стал отрадой для исстрадавшейся за долгую жизнь, одинокой души.

Щенок же больше не мучился от голода, не мерз, перестал бояться всего на свете, узнал настоящую любовь.

Но в момент наивысшего веселья, песик вдруг резко остановил игру, бросался к хозяину, подпрыгивал, ставил лапы на грудь, неистово лизал любимые лицо и руки, заглядывал в глаза... Как будто чувствовал – счастье будет недол-

гим.

Иногда хозяин засиживался на лавочке допоздна. Утомленный малыш засыпал у него на руках, и сквозь усталую дрему слышал печальный голос:

– Ну вот, опять сын не пришел, хоть и обещал...

В холодные дни гуляли мало: хозяин сажал щенка на подоконник и они все время проводили у окна. Пёсик с любопытством разглядывал суетящиеся фигурки людей, потоки машин, настораживал ушики при виде собак, кошек, таявал на ворон, ловил полусонных мух.

Он смутно ощущал тоскливую тревогу, снедающую любимого человека.

Стараясь успокоить, щенок жался к груди, искал носом руку, пытался лизнуть в лицо. Ради своего хозяина, за их общее счастье малыш готов был сразиться с самой страшной и зубастой на свете собакой! Порвал бы на кусочки любого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.